

Марисса

ИЗМЕНА:
ЗА ПОРОГ В НОЧНУШКЕ

ИЗМЕНА: ЗА ПОРОГ В НОЧНУШКЕ

Магисса - Измена: За Порог В Ночнушке

<https://litres.ru/74350734>

Аннотация

Я создала для него империю. Я подарила ему ароматы, которые покорили мир. Я была его музой, его тенью, его секретным оружием. А он?

Минус двадцать. Метель. И я — на обледенелых ступенях нашего особняка. Босая. В одной тонкой шелковой сорочке, которая не греет, а жжет кожу холодом. Всё, что у меня осталось — это сорванное с шеи кольцо и смех его любовницы мне в спину.

Мой муж, всемогущий магнат Юлиан Кирсанов, думал, что я замерзну в том сугробе. Что я исчезну, как выветрившиеся духи, и унесу свои тайны в могилу.

Но он ошибся. Меня подобрал тот, кого стоит бояться даже моему мужу. «Черный парфюмер», пахнувший полынью, опасностью и... спасением. Мы заключили сделку. Я верну себе жизнь, а он получит свою месть.

Держись, любимый. Я возвращаюсь. И этот запах тебе не понравится.

В тексте есть:

Жестокая измена и предательство /Властный герой и сильная героиня Одержимость и месть Очень эмоционально и горячо ХЭ!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	58
Глава 5	75
Глава 6	91
Глава 7 (Демьян)	109
Глава 8	121
Глава 9 (Демьян)	135
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Пролог

В коридоре пахло озоном и ледяным шампанским.

Этот запах — резкий, колющий, щекочущий ноздри — всегда ассоциировался у меня с триумфом. Сегодня он был повсюду. Он просачивался сквозь дубовые панели, смешивался с ароматом дорогих сигар и пудры, доносившимся из бального зала, где гремела музыка.

Я сжала в кулаке пробирку из темного стекла. Стекло нагрелось от тепла моей ладони, словно живое. Внутри плескался «Imperium». Аромат, над которым я работала три года. Моя душа, дистиллированная в формулу. Мой подарок Юлиану на десятилетие корпорации.

Я не пошла к гостям. Мне не нужны были пустые светские разговоры, фальшивые улыбки жен акционеров и оценивающие взгляды конкурентов. Мне нужен был только он. Юлиан. Чтобы увидеть, как расширятся его зрачки, когда он вдохнет первую ноту — горький миндаль и жженный сахар. Чтобы услышать его тихое «Гениально, Агата».

Я подошла к массивным дверям его кабинета. Охраны не было — вся служба безопасности рассредоточилась по периметру особняка, охраняя покой московской элиты. Я толкнула створку. Петли, смазанные маслом с едва уловимой отдушкой сандала, сработали бесшумно.

В кабинете горел лишь торшер у стола, выхватывая из по-

лумрака две фигуры. Они не целовались. Не занимались любовью на столе из карельской березы, сбросив на пол бумаги. Это было бы пошло, банально и... по-человечески.

Реальность оказалась страшнее.

Юлиан сидел в своем кресле, идеально прямой, застегнутый на все пуговицы смокинга. Напротив него, небрежно присев на край стола и демонстрируя бесконечные ноги в полупрозрачных чулках, расположилась Ингрид Айснер. Дочь нашего главного конкурента. Хищница с платиновым каре и глазами цвета зимней Невы.

Она держала в руках папку. Синюю, бархатистую папку с логотипом «Kirsanov & Co». И она смеялась. Тихим, лающим смехом, от которого у меня мороз пошел по коже.

— А ты был прав, Юлиан, — произнесла она, и её голос прозвучал как скрежет металла по стеклу. — Формула действительно безупречна. Мои химики подтвердили: если заменить натуральный ирис на синтетику, маржинальность вырастет на триста процентов.

— Я всегда прав, Ингрид, — голос мужа был ровным, сухим. Таким он обсуждал котировки акций или увольнение уборщиц. — Подписывай.

— А твоя... муза? — Ингрид повела плечом, и до меня донесся её запах. «Molecule 01». Стерильный, синтетический, бездушный. Запах пустоты. — Она не устроит сцену? Все-таки авторские права...

— Агата — моя жена. По брачному контракту, всё, что

она создает в период брака, принадлежит корпорации. А корпорация через пять минут будет принадлежать холдингу Айснеров. И тебе, как новому главному парфюмеру.

Пробирка выскользнула из моих пальцев.

Звук удара о паркет показался оглушительным, как выстрел. Тонкое стекло разлетелось вдребезги. Янтарная жидкость брызнула на ворс ковра, и комнату мгновенно заполнил аромат. Мощный, властный, с нотами кожи, дыма и той самой, уникальной молекулы, которую я синтезировала полгода.

Юлиан и Ингрид синхронно повернули головы.

В глазах мужа не мелькнуло ни страха, ни вины. Только легкое раздражение, словно я была назойливой мухой, залетевшей в стерильную лабораторию. Он медленно поднялся, обошел стол и направился ко мне.

— Ты подслушивала, Агата. Это дурной тон.

— Ты продаешь компанию? — мой голос дрожал, отказываясь повиноваться. — Ты отдаешь ей мою формулу? Юлиан, мы же... мы же семья.

Ингрид фыркнула, спрыгивая со стола. Она подошла к Юлиану, по-хозяйски положив руку ему на плечо. Её пальцы с острым маникюром впились в дорожную ткань пиджака.

— Семья — это актив, дорогая, — произнесла она, глядя на меня с брезгливой жалостью. — А убыточные активы нужно ликвидировать. Ты слишком много тратишь на свои эксперименты. Слишком много чувствуешь. Слиш-

ком... сложная. Бизнес любит простоту.

Я перевела взгляд на мужа. Я ждала, что он одернет её. Что скажет, что это шутка, чудовищный розыгрыш. Но Юлиан лишь стряхнул несуществующую пылинку с лацкана.

— Слияние — дело решенное, Агата. Ингрид принесла инвестиции, которые нам необходимы. А ты... ты выгорела. Твой нос стал слишком капризным. Мне нужен стабильный результат, а не твои творческие метания.

— Ты меня бросаешь? — слова падали в вязкую тишину, как камни в болото.

— Я оптимизирую свою жизнь, — поправил он. — Наши юристы уже подготовили документы. Развод будет тихим. Я оплачу тебе курс лечения в клинике неврозов. Тебе это нужно.

Я задохнулась. Воздух в кабинете стал ядовитым. Аромат «Imperium», смешиваясь с запахом предательства, вызывал тошноту.

— Я не дам развод. Я отсужу свои формулы. Я уничтожу твою репутацию, Юлиан. Я расскажу всем, кто на самом деле создавал ароматы, получившие «FiFi Awards»!

Лицо Юлиана окаменело. В его серых глазах зажегся тот холодный, мертвый огонь, которого боялись все его подчиненные.

— Ты никому ничего не расскажешь, — тихо произнес он. — Потому что ты никто. Ты — приложение к моей фамилии. Тень. И ты забываешь, где находишься.

Он нажал кнопку селектора на столе.

— Охрана. В кабинет. Срочно.

Двери распахнулись почти мгновенно. Двое крепких парней в черных костюмах замерли на пороге.

— Выведите госпожу Кирсанову, — скомандовал Юлиан, не повышая голоса. — Она больше здесь не живет.

— Ты не посмеешь... — прошептала я, пятясь. — На улице минус двадцать. Метель.

— Ингрид, дорогая, — Юлиан повернулся к любовнице, полностью игнорируя меня. — Проследи, чтобы слияние прошло гладко. А с бывшей женой я разберюсь.

— С удовольствием, — мурлыкнула она.

Охранник шагнул ко мне, перегораживая путь к выходу.

— Стоять, — вдруг резко бросил Юлиан.

Он подошел ко мне вплотную. Я почувствовала запах его одеколона — ветивер и черный перец. Запах, который я когда-то создала для него. Запах мужчины, которого я любила.

— Это платье, — он цепким взглядом прошелся по черному бархату, облегающему мою фигуру. — Оно из последней коллекции Dior. Куплено с корпоративного счета. Как представительские расходы.

— Что? — я не поверила своим ушам.

— Снимай, — равнодушно бросил он.

— Юлиан, ты с ума сошел? Здесь люди...

— Здесь нет людей. Здесь только персонал и партнеры. Снимай. Или они помогут.

Он кивнул на охранников. Те стояли с каменными лицами, готовые выполнить любой приказ хозяина.

Я посмотрела на Ингрид. Она улыбалась, наслаждаясь шоу. В её глазах читалось торжество самки, устранившей конкурентку.

Дрожащими руками я потянулась к молнии на спине. Унижение жгло щеки сильнее пощечины. Бархат с шорохом упал к моим ногам, оставив меня в тонкой шелковой комбинации цвета пепла. Ткань была невесомой, почти прозрачной. Я обхватила себя руками, пытаясь прикрыться, спрятаться, исчезнуть.

— Колье, — напомнил Юлиан.

Я сорвала с шеи бриллиантовую нить. Замок царапнул кожу. Бросила украшение на стол. Оно звякнуло, ударившись о полированное дерево.

— Серьги. Туфли.

Я разулась. Холод паркета тут же впился в ступни. Я стояла перед ними — босая, полуголая, уничтоженная. Бывшая жена парфюмерного магната. Гениальный «Нос», превращенный в ничтожество.

— Вот так, — удовлетворенно кивнул Юлиан. — Теперь баланс сошелся. Ты пришла ко мне нищей студенткой с уникальным обонянием, но без гроша в кармане. Так и уйдешь.

Он подошел к двери и распахнул её.

— Вон.

Охранник подхватил меня под локоть. Не грубо, но же-

лезной хваткой. Меня поволокли через черный ход, чтобы не смущать гостей в парадном зале.

— Юлиан! — крикнула я, пытаюсь вырваться. — Ты по-жалеешь! Ты сдохнешь без меня! Твои духи станут водой!

— Уведите истеричку, — поморщился он, закрывая дверь кабинета. Последнее, что я увидела — это Ингрид, которая подносила к носу бокал с шампанским, салютуя мне.

Меня протащили по коридорам служебного крыла. Кто-то из поваров испуганно шарахнулся в сторону. Дверь черного хода открылась, и в лицо мне ударил ледяной ветер, смешанный с колючим снегом.

Меня вытолкнули на крыльцо.

— Приказ хозяина, — буркнул охранник, отводя глаза. — За территорию поселка. Пешком.

Тяжелая металлическая дверь лязгнула за спиной. Щелкнул электронный замок.

Я осталась одна.

Вокруг была тьма, разрезаемая лишь светом фонарей у высоких заборов элитного поселка. Снег мгновенно обжег босые ноги. Ветер пронизывал тонкий шелк комбинации насквозь, словно его и не было. Тело свело судорогой.

Я сделала шаг. Еще один. Зубы выбивали дробь. Слезы замерзали на ресницах, не успевая скатиться. Каждая секунда была пыткой.

Я шла, не чувствуя ног, оставляя на идеальном белом снегу цепочку следов. Мимо пронесся черный «Майбах», обдав

меня облаком выхлопных газов и ледяной крошкой из-под колес. В салоне горел свет, и я успела заметить профиль Ингрид. Она даже не повернула головы.

Силы кончились где-то у выезда на трассу. Мир накренился. Запах мороза — стерильный, безжалостный, пахнувший смертью — заполнил легкие. Я упала в сугроб, чувствуя, как холодное оцепенение, похожее на сон, накрывает меня с головой.

Последним, что зафиксировало мое сознание, был не холод. Это был запах. Чужеродный, грубый, живой. Запах дешевого табака, старой кожи, машинного масла и горькой, дикой полыни.

Рядом с визгом затормозили колеса. Хлопнула тяжелая дверь. Чьи-то руки, пахнущие бензином и теплом, грубо перевернули меня на спину.

— Твою мать... — произнес хриплый мужской голос. — Ты еще жива, кукла?

Темнота сомкнулась.

Глава 1

Умирать не больно. Больно — это когда ты жив, но тебя уже нет.

Снег подо мной перестал быть холодным. Он превратился в вату — мягкую, обволакивающую, стерильную. Я лежала, глядя в черное небо, которое казалось опрокинутой чашей с ледяной крошкой на дне. Звезды здесь, за чертой МКАДа, были ярче, злее. Они смотрели на меня равнодушными глазами Ингрид.

Мое тело больше мне не принадлежало. Ступни, еще десять минут назад горевшие огнем от соприкосновения с ледяным асфальтом, теперь онемели. Я знала, что это значит. Капилляры сузились до предела, кровоток остановился. Мой организм, этот сложный биологический механизм, который я так хорошо изучила, создавая ароматы, начал отключать периферию, чтобы спасти ядро.

Сердце. Оно билось медленно, гулко, отдаваясь в ушах шумом прибоя.

Но мой нос... Мое проклятие и мой дар. Он отказывался умирать. Он продолжал работать, анализируя состав воздуха, даже когда легкие уже едва втягивали этот ледяной эфир.

Чем пахнет смерть?

Я всегда думала, что ладаном и лилиями. Глупости. Смерть пахнет озоном. Молекулярным распадом. И еще —

выхлопными газами того «Майбаха», который увез моего мужа и его новую игрушку в теплую, сытую жизнь. Этот запах — смесь высокооктанового бензина и синтетической кожи салона — висел над дорогой плотным облаком. Запах равнодушия.

Я закрыла глаза. Темнота была милосердной. Она обещала покой. Никаких больше формул. Никаких презентаций. Никакого Юлиана с его ледяным «Вон».

И вдруг в эту стерильную симфонию умирания ворвался диссонанс.

Сначала это был звук. Низкий, утробный рык, от которого завибрировала земля под моей щекой. Не породистое урчание люксового седана, а грубый, захлебывающийся кашель старого зверя.

Потом ударил свет. Желтый, галогеновый, выжигающий сетчатку даже сквозь закрытые веки.

А потом пришел Запах.

Он был настолько чужеродным здесь, в царстве элитной чистоты, что меня передернуло. Резкий, агрессивный, сложный.

Дизельное топливо — грязное, тяжелое.

Мокрая собачья шерсть.

Дешевый, крепкий табак без отдушек.

И поверх всего этого — пронзительная, горькая, зеленая нота. *Artemisia absinthium*. Полынь. Дикая, степная, не знающая селекции.

Звук хлопнувшей двери прозвучал как выстрел. Скрип снега под тяжелыми подошвами. Шаги приближались быстро, уверенно.

— Твою мать...

Голос был хриплым, прокуренным. В нем не было жалости, только досада человека, который нашел дохлую кошку на своем крыльце.

Я хотела открыть глаза, но веки смерзлись.

— Эй, кукла! Ты живая?

Меня грубо перевернули на спину. Тепло чужих рук, даже через ткань куртки, обожгло плечи.

— Пульс нитевидный, — пробормотал голос где-то над моим ухом. — Губы синие. Классика.

Я почувствовала, как меня поднимают. Легко, рывком, словно я была пустым манекеном, выброшенным из витрины за ненадобностью. Моя голова безвольно откинулась назад, и нос уткнулся в грудь незнакомца.

От него пахло не «Dior» и не «Tom Ford». От него пахло жизнью. Грубой, потной, настоящей жизнью. Старой кожей куртки, машинным маслом и той самой полынью. Этот запах был таким плотным, что его можно было резать ножом. В моем стерильном мире таких запахов не существовало. Это был запах опасности. Или спасения. Мой мозг, затуманен-

ный гипотермией, уже не различал разницы.

Меня запихнули во что-то тесное и пахнущее пылью. Звук захлопнувшейся двери отрезал ледяной ветер.

— Сиди тихо, — буркнул голос. — Блевать надумаешь — открывай окно. Химчистка нынче дорогая.

Заревел мотор. Мир качнулся и поплыл.

Сознание возвращалось рывками, как испорченная кино-
пленка.

Первым вернулась боль.

Она начиналась где-то на кончиках пальцев ног и рук, поднимаясь выше, впиваясь в тело миллионами раскаленных игл. «Оттаивание», — услужливо подсказал профессиональный участок мозга. Восстановление кровообращения после глубокого переохлаждения. Это было хуже, чем сам холод. Это была пытка.

Я застонала сквозь зубы. Звук получился жалким, скулящим.

— Терпи, — донеслось с водительского сиденья. — Кровь пошла. Значит, не ампутируют. Наверное.

Я с трудом разлепила ресницы. В салоне было темно, только зеленоватая подсветка приборной панели выхватывала из мрака грубые руки на руле. Руль был оплетен потертой кожей. На пальцах незнакомца — сбитые костяшки и траурная кайма мазута под ногтями. Не маникюр Юлиана. Ох, совсем

не маникюр Юлиана.

Машину трясло. Это был не «Майбах» с его пневмоподвеской, глотающей любые неровности. Это был танк, который пересчитывал каждую кочку. Каждый толчок отдавался болью во всем теле.

Я попыталась пошевелиться и поняла, что накрыта чем-то тяжелым. Куртка. Грубая, брезентовая парка на меху. Она пахла тем самым зверем — мокрой псиной и химическими реагентами. Запах был удушающим, но именно он держал тепло.

— Где... я? — собственный голос показался мне скрипом старой двери. Горло саднило.

— В катафалке, — усмехнулся водитель, не поворачивая головы. — Шутка. Едем в тепло. Не дергайся.

Я скосила глаза, пытаюсь рассмотреть его. Профиль хищной птицы. Резкий, угловатый. Небритая щека, на которой играли тени от пролетающих мимо фонарей. Длинные волосы, небрежно стянутые в хвост на затылке.

Он был похож на бандита из криминальных сводок. Или на наемника. Или на того, кто закапывает тела в лесу.

Страх, липкий и холодный, шевельнулся в животе. Юлиан. Это его люди? Он передумал отпускать меня? Решил, что замерзнуть в сугробе — слишком легкая смерть, или, наоборот, побоялся, что тело найдут слишком быстро?

— Вы... от него? — прошептала я.

Он резко крутанул руль, входя в поворот. Меня качнуло,

и я ударилась плечом о дверь.

— От кого «него»? От Деда Мороза? — он бросил на меня быстрый, колющий взгляд. Глаза у него были темные, почти черные в этом свете. — Нет, кукла. Я сам по себе. Считай, волонтер службы спасения забытых вещей.

— Я не вещь... — выдохнула я, и слезы снова подступили к горлу. Обида жгла сильнее холода.

— Да неужели? — хмыкнул он. — Валялась ты именно как вещь. Дорогая, красивая, ненужная. Выкинули после корпоратива? Перебрала с коксом и устроила стриптиз на морозе? Или папик нашел модель помоложе?

Его слова били наотмашь. Грубые, циничные, несправедливые. Он видел во мне то, что хотел видеть: очередную содержанку, «золотую антилопу», потерявшую товарный вид. В другой жизни, вчерашней жизни, я бы возмутилась. Я бы поставила его на место ледяным тоном хозяйки империи.

Но сейчас я была никем. Женщиной в ночнушке, завернутой в чужую грязную куртку. У меня не было имени, не было статуса, не было даже обуви.

— Остановите, — сказала я, пытаюсь сесть. Голова закружилась, к горлу подкатил комок тошноты. — Я сказала, остановите! Я выйду.

Он рассмеялся. Смех был сухим, трескучим, как ломающиеся ветки.

— Куда ты выйдешь, убогая? В сугроб? Босиком? До ближайшего жилья пять километров. Ты сдохнешь через десять

минут. А я не люблю делать двойную работу. Я тебя подобрал — я тебя довезу. А там хоть в петлю лезь, мне плевать.

Он был прав. Жестоко, цинично прав. Я посмотрела на свои ноги. В тусклом свете приборной панели они казались чужими — белые, с синюшными пятнами, неестественно вывернутые. Я даже не чувствовала пальцев. Только тупую, ноющую пульсацию где-то в костях.

Машина свернула с трассы. Мы ехали по какой-то промзоне. Скелеты заброшенных цехов, ржавые трубы, уходящие в черное небо, заборы с колючей проволокой. Пейзаж постапокалипсиса. Идеальная декорация для моей новой жизни.

В салоне становилось невыносимо жарко. Печка работала на полную мощность, выплевывая в лицо потоки сухого, пыльного воздуха. Этот запах — перегретого пластика и старой пыли — смешивался с ароматом самого водителя, создавая удушливую смесь. Меня мутило.

— Куда... мы едем? — спросила я, стараясь дышать через рот, чтобы не чувствовать запахов.

— Ко мне, — коротко бросил он. — Больницы сейчас начнут задавать вопросы. Полиция, протоколы. Тебе оно надо? Судя по твоему виду — нет.

Он снова был прав. Полиция. Что я им скажу? «Мой муж, владелец половины города, выгнал меня голой»? Они позвонят Юлиану. А Юлиан скажет, что я сумасшедшая. И меня увезут в психушку. Прямо в ночнушке.

Мы подъехали к огромным, ржавым воротам какого-то

ангара. Кирпичное здание старой постройки, похожее на крепость, темнело на фоне снега. Окна были забиты фанерой или заварены железными листами.

Водитель нажал кнопку на брелоке, висевшем на ключах зажигания. Ворота, скрежеща и сопротивляясь, поползли вверх. Джип нырнул внутрь, в бетонное чрево гаража.

Здесь пахло сыростью, бензином и крысиным ядом. Резкий, аммиачный дух ударил в нос, заставив меня закашляться.

Мотор заглох. Наступила тишина, нарушаемая лишь тиканьем остывающего двигателя и гудением трансформатора где-то в углу.

— Приехали, — сказал он, выдергивая ключи. — Вылезай.

Я попыталась. Честно попыталась. Откинула тяжелую, вонючую куртку, повернулась к двери. Мозг послал команду ногам: «Встать». Но ноги не ответили. Я просто свалилась с сиденья, как мешок с картошкой, не удержав равновесия.

Удар о бетонный пол отозвался вспышкой боли в бедре. Но ступни по-прежнему молчали. Это пугало больше всего.

— Черт, — выругался мужчина. Он обошел машину, рывком распахнул пассажирскую дверь. — Ноги не ходят?

— Я не чувствую их, — прошептала я. Паника начала подниматься внутри холодной волной. — Я их не чувствую!

— Не ори, — он наклонился ко мне. — Обморожение. Сейчас посмотрим.

Он подхватил меня на руки. Легко, без натуги. Я оказалась прижата к его груди. Грубая кожа его куртки царапнула мою щеку. Я инстинктивно вцепилась в него, обхватив за шею.

Вблизи его запах изменился. К табаку и полыни примешалась нота... сандала? Нет, что-то более острое. Можжевельник. И спирт. Чистый, медицинский спирт. Станный коктейль для бандита или водителя старого джипа.

Он понес меня к грузовому лифту в глубине гаража.

— Ты кто? — спросила я, глядя на его профиль. Жесткий подбородок, сжатые губы. Он был красив пугающей, дикой красотой. Антипод Юлиана с его лощеным лицом и масками из альгинатов.

— Демьян, — буркнул он, пиная ногой кнопку вызова лифта. — Для друзей — Химик. Но друзей у меня нет. Так что просто Демьян.

Лифт приехал с грохотом, от которого заложило уши. Мы вошли в кабину, обшитую фанерой.

— А ты у нас кто? — спросил он, глядя на меня сверху вниз. — Снегурочка-бесприданница?

— Агата, — сказала я. Фамилию называть не стала. Вряд ли она ему что-то скажет, а если скажет — это может быть опасно.

Лифт дернулся и пополз вверх.

— Агата... — он словно попробовал имя на вкус. — Камень такой есть. Слоистый. Хрен расколешь.

Двери лифта разъехались, и я зажмурилась.

Я ожидала увидеть грязную берлогу. Квартиру холостяка с горой коробок из-под пиццы и запахом грязных носков. Или притон.

Но я попала в джунгли.

Помещение было огромным — бывший заводской цех с потолками метров пять. Но вместо станков здесь были стеллажи. Бесконечные ряды металлических стеллажей, уставленные горшками, кадками, ящиками с землей.

Здесь было жарко и влажно, как в тропиках. Сверху свисали какие-то лианы. Под потолком гудели мощные фитолампы, заливая все пространство неестественным фиолетово-розовым светом.

Но главное — запах.

Он сбил меня с толку. Это не был запах оранжереи с розами. Это был запах... ведьминого котла.

Влажная, жирная земля.

Гниющие листья.

Сладкий, дурманящий, почти трупный запах каких-то крупных белых цветов, свисающих гроздьями. Brugmansia. Дурман.

И сквозь эту органику пробивался острый, химический запах. Эфир. Ацетон. Спирт. Горелая проводка.

— Добро пожаловать в «Оранжерею», — усмехнулся Демьян, заметив мое вытянувшееся лицо.

Он пронес меня через лабиринт растений, задевая плечом свисающие корни. В глубине лофта было расчищено пространство для жизни: старый кожаный диван, потертый до дыр, огромный стол, заваленный колбами, ретортами и ноутбукми, и кухонный угол, где в раковине горой стояла грязная посуда.

Он сгрузил меня на диван. Кожа была холодной, неприятной на ощупь. Я плотнее закуталась в его куртку, поджимая под себя онемевшие ноги.

Демьян щелкнул тумблером на стене. Вспыхнул верхний свет — яркий, хирургический.

— Ну, давай посмотрим на находку, — сказал он, подходя ко мне.

Он стянул с себя шапку, бросил ее на стол. Взял стул, развернул его спинкой вперед и сел напротив, уперевшись локтями в колени.

Его глаза были странного цвета. Не карие, не зеленые. Болотные. С золотистыми искрами вокруг зрачка. Глаза человека, который видел то, чего не стоило видеть.

Он бесцеремонно схватил меня за лодыжку, вытаскивая ногу из-под куртки. Я вскрикнула от боли.

— Тихо, — приказал он. Его пальцы, грубые и шершавые, начали ощупывать ступню. Нажимали, гнули пальцы. — Чувствуешь?

— Больно! — выдохнула я.

— Это хорошо. Боль — это жизнь. Если бы не чувствовала — пришлось бы резать.

Он отпустил ногу и откинулся на спинку стула, разглядывая меня уже целиком. Его взгляд скользнул по моему лицу, по спутанным волосам, по тонкой бретельке комбинации, выглядывающей из-под его грязной куртки.

— М-да, — протянул он. — Видок у тебя, Агата, не товарный. Тушь потекла, губы как у покойника, сопли бахромой. Ювелирку с тебя сняли?

Я инстинктивно коснулась шеи, где еще горела царапина от колье.

— Сняли, — тихо сказала я. — Все сняли.

— Ну, хоть жива осталась, — он встал. — Ладно. Отогревайся. Я сейчас чаю сделаю. С травами. А потом решим, что с тобой делать. Отрабатывать спасение будешь, когда выживешь.

Он повернулся ко мне спиной и пошел к кухонному углу, на ходу доставая пачку сигарет. Щелкнула зажигалка. В густой, влажный воздух оранжереи впелась струйка сизого дыма.

Я смотрела ему в спину, на его широкие плечи, обтянутые черной футболкой, на длинные волосы, собранные в хвост. Я была в логове зверя. Среди ядовитых цветов и химических реактивов. Полуголая, беспомощная, лишенная всего.

Но странное дело — здесь, в этом аду, пахнущем землей и

спиртом, мне было не так страшно, как в стерильном кабинете моего мужа, пахнущем «Imperiūm» и предательством.

Здесь пахло правдой. Пусть грязной, грубой, но правдой.

Я откинула голову на спинку дивана и впервые за этот бесконечный вечер заплакала. Беззвучно, позволяя горячим слезам смывать с лица остатки чужих прикосновений, чужих взглядов, чужой жизни, которая закончилась сегодня ночью за порогом особняка.

Глава 2

Мир не вернулся ко мне вспышкой света или звуком трубы. Он вернулся запахом.

Тяжелым, плотным, влажным. Так пахнет в тропическом лесу после ливня, когда земля начинает испарять воду, смешанную с ароматом гниющих орхидей и прелой листвы. Но к этой природной, дикой симфонии примешивалась нота, которая заставила мой мозг, еще плавающий в вязком тумане забытья, мгновенно насторожиться.

Этилацетат. Растворитель. И еще что-то... Эфир. Резкий, медицинский, холодящий ноздри.

Я открыла глаза и тут же зажмурилась. Надо мной не было привычного белого потолка нашей спальни с лепниной в стиле ампир. Надо мной вообще не было потолка — только бесконечная чернота, разрезаемая металлическими балками, трубами вентиляции и странными лампами, заливающими все вокруг неестественным, кислотно-фиолетовым светом.

Я попыталась вдохнуть глубже, но воздух был слишком густым. Он оседал на языке привкусом железа и сладкой пыльцы.

Где я?

Память услужливо подбросила кадры прошедшей ночи. Особняк. Ингрид, сидящая на столе. Мое платье на паркете.

Ледяной ветер. Снег. И грубые руки, пахнущие пылью.

Я резко села, но тут же со стоном рухнула обратно. Голова закружилась так, словно меня поместили в центрифугу для разделения фракций. Тело не слушалось. Оно казалось чужим, свинцовым, набитым битым стеклом.

— Лежи, — голос прозвучал откуда-то сбоку. Не приказ, но рекомендация, которую лучше не игнорировать.

Я повернула голову. Шея хрустнула.

Я находилась в огромном помещении. Это был лофт, но не тот дизайнерский лофт, который можно увидеть на страницах глянца, где каждый кирпич отшлифован и покрыт лаком. Нет, это было нутро старого завода. Красные стены, местами покрытые пятнами сырости, бетонный пол, огромные окна, заклеенные чем-то непрозрачным.

Но самое странное — это наполнение. Помещение напоминало лабораторию безумного ботаника, скрещенную с жилищем маньяка. Вдоль стен тянулись металлические стеллажи, уставленные кадками с растениями. Огромные, хищные листья монстеры отбрасывали на пол резкие тени. С потолка свисали корни каких-то лиан, похожие на высохшие змеи.

Прямо передо мной, в большом глиняном горшке, цвел куст. Огромные белые цветы, висющие вниз головой, источали тот самый приторно-сладкий, дурманящий аромат, от которого кружилась голова. Brugmansia. Ангельские трубы. Красивые и ядовитые.

— Где я? — прохрипела я. Голос был похож на звук рву-

щегося картона. Горло саднило так, будто я глотала наждачку.

— В Оранжеее, — ответил тот же голос.

Из-за зарослей фикуса вышел мужчина. Тот самый. Водитель джипа.

При свете фитоламп он выглядел иначе, чем в темноте салона. Моложе, но опаснее. Его длинные темные волосы были собраны в небрежный пучок на затылке, открывая высокий лоб и резкие скулы. На нем была растянутая серая майка, открывающая руки, покрытые татуировками и шрамами, и рабочие штаны с множеством карманов, испачканные чем-то бурым.

Он подошел ко мне, держа в руке дымящуюся кружку.

— Очнулась? Отлично. Трупное окоченение отменяется. А я уже думал, куда тебя девать, если не проснешься. Земля промерзла, копать тяжело.

Его цинизм был как защитный слой лака. Я видела таких людей. Они прячут эмоции за грубостью, потому что так проще выживать. Но от этого было не легче.

Я оглядела себя. Я лежала на старом кожаном диване, кожа которого потрескалась и местами была заклеена скотчем. Меня укрывал колючий шерстяной плед, пахнувший пылью и табаком. Под пледом на мне была все та же шелковая комбинация цвета пепла — последняя вещь из моей прошлой жизни. Сейчас, среди этого индустриального хаоса, она казалась нелепой, грязной и пошлой.

Я подтянула плед к подбородку, пытаюсь спрятаться.

— Пей, — он протянул мне кружку.

Я с опаской заглянула внутрь. Жидкость была темной, густой, как нефть.

— Что это?

— Не цианид, не бойся. Травы. Чабрец, зверобой, немного меда. И спирт.

Я поморщилась. Запах спирта ударил в нос — чистый, медицинский этанол, 96 процентов.

— Я не буду...

— Будешь, — он сунул кружку мне в руки, и его пальцы на мгновение коснулись моих. Они были горячими и сухими. — Это разгонит кровь. У тебя гипотермия второй степени, кукла. Если не хочешь, чтобы сердце остановилось от шока, пей.

Я сделала глоток. Жидкость обожгла горло, прокатилась по пищеводу огненным шаром и упала в желудок, вызывая мгновенную вспышку тепла. Меня передернуло, но я сделала второй глоток. Потом третий. Тепло начало расходиться по венам, вытесняя ледяной ужас.

Демьян — так он назвался в машине — стоял надо мной, скрестив руки на груди, и внимательно наблюдал. Его взгляд был тяжелым, сканирующим. Он смотрел на меня не как на женщину, а как на сложный химический эксперимент, который пошел не по плану.

— Спасибо, — выдавила я, возвращая ему пустую кружку.

ку.

Он хмыкнул, забрал посуду и отошел к длинному столу, заваленному оборудованием. Я присмотрелась. Это была полноценная лаборатория. Перегонные кубы из меди, змеевики, штативы с пробирками, электронные весы, накрытые стеклянным колпаком. И рядом — несколько мощных ноутбуков, экраны которых светились графиками и формулами.

Странное сочетание. Алхимия и кибернетика.

Он вернулся, держа в руках свернутый комок ткани.

— На, — он бросил вещи мне на колени. — Оденься. Твой шелк хорош для спальни олигарха, чтобы красиво его снять, но здесь ты в нем замерзнешь даже под лампами. А воспаление легких мне лечить нечем, антибиотики кончились.

Я развернула ткань. Это была фланелевая рубашка в крупную красно-черную клетку и пара толстых шерстяных носков ручной вязки. Вещи были чистыми, но пахли им. Демьяном. Можжевельник, табак, мускус. Запах самца, метящего территорию.

Я медленно села, стараясь не делать резких движений. Голова все еще кружилась. Спустила ноги с дивана.

И тут же вскрикнула.

Стоило моим ступням коснуться пола, как по ногам ударил разряд тока. Боль была такой острой, что у меня потемнело в глазах. Я схватилась за край дивана, хватая ртом воздух.

— Тихо, тихо, — Демьян оказался рядом мгновенно. Он

присел на корточки, перехватил мои ноги, не давая мне поставить их на пол. — Рано встала. Кровообращение восстанавливается, нервные окончания оживают. Сейчас будет весело.

Он бесцеремонно закинул мои ноги себе на колени, устроившись на краю дивана. Я дернулась, пытаюсь освободиться. Это было слишком интимно, слишком... неправильно. Мужчина, которого я знаю меньше часа, держит мои голые ноги. — Не дрыгайся, — рявкнул он. — Хуже будет.

Он потянулся к столу, взял банку из темного стекла, открутил крышку. В нос ударил резкий, пронзительный запах. Камфора.

Скипидар.

Кайенский перец.

Барсучий жир.

Старый, дедовский рецепт разогревающей мази. Но концентрация была убойной. Мой нос, даже заложенный, безошибочно разложил состав.

Демьян зачерпнул мазь пальцами и, не спрашивая разрешения, начал втирать ее в мои ступни.

Я задохнулась от боли. Казалось, он сдирает с меня кожу наждачной бумагой, а потом поливает раны кипятком.

— Больно! — вырвалось у меня. — Прекрати!

— Терпи, — его голос был ровным, безжалостным. — Капилляры целы, некроза нет, повезло тебе, кукла. Черных пятен не вижу. Значит, пальцы останутся при тебе. Сможешь и дальше носить свои туфли за тысячу баксов.

Он массировал жестко, сильно, проминая каждую косточку, каждый сустав. Его большие пальцы вдавливались в мою подошву, заставляя кровь бежать быстрее. Я закусила губу до крови, чтобы не закричать. Слезы катились по щекам, капая на его клетчатую рубашку, которую я прижимала к груди.

Это была странная пытка. И странная забота. В его движениях не было ни капли эротизма, только функциональность. Он чинил меня, как чинят сломанный механизм. Но тепло его рук, жар, исходящий от мази, и эта вынужденная близость вызывали у меня дрожь, никак не связанную с холодом.

Юлиан никогда не касался моих ног. Для этого были мастера педикюра. Юлиан вообще редко касался меня, если это не вело к сексу. А этот чужой, грубый человек сейчас спасал мне жизнь, причиняя адскую боль.

— Вот так, — пробормотал он, заканчивая с левой ногой и переходя к правой. — Сейчас будет гореть. Это нормально. Главное — не чесать.

— Кто ты такой? — спросила я, глядя на его склоненную голову. Я видела седые волоски в его темной шевелюре, шрам над бровью, напряженную жилу на шее.

— Я же сказал. Химик.

— Химики работают в лабораториях. В белых халатах. А не в... — я обвела взглядом помещение, — ...в джунглях на заброшенном заводе.

— Ну, скажем так, я — фрилансер, — усмехнулся он, не поднимая головы. — Моя химия не совсем... конвенциональная.

— Наркотики? — прямо спросила я. Запах ацетона и эфира намекал на это слишком явно.

Он на секунду замер, его пальцы остановились на моем мизинце. Потом поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. Его радужка при свете ламп казалась цвета болотной тины — мутно-зеленая с коричневыми вкраплениями.

— Нет. Я не варю мет для школьников. Я работаю с более тонкими материями. Психоактивные вещества. Арома-стимуляторы. Легально — серая зона. Морально — вопрос дискуссионный. Но тебе ли судить, принцесса?

Он закончил массаж, вытер руки тряпкой, лежащей на столе, и взял шерстяные носки.

— Надевай. Сама. Руки-то работают?

Я кивнула, хотя не была в этом уверена. Натянула носки. Шерсть кололась, но после огненной мази это казалось благом. Сверху надела его рубашку. Она была огромной, доходила мне до середины бедра, и в ней я чувствовала себя маленькой девочкой, забравшейся в папин шкаф. Я застегнула пуговицы дрожащими пальцами.

— Руки, — скомандовал он, когда я справилась с послед-

ней пуговицей.

Я протянула ему ладони. Они дрожали. Кожа была красной, обветренной, но чувствительность вроде бы сохранилась.

Демьян взял мою правую кисть. Не так, как берут руку дамы для поцелуя, и не так, как берут руку ребенка, чтобы перевести через дорогу. Он взял ее как образец. Как кусок породы, который нужно изучить под микроскопом.

Он поднес мою ладонь к лампе, щурясь от яркого света. Его большой палец провел по подушечкам моих пальцев — шершавый, мозолистый по идеально гладкой, ухоженной коже.

— Маникюр хороший, — хмыкнул он. — Дорогой. Но вот это...

Он нажал на подушечку указательного пальца. Там, если приглядеться, кожа была чуть грубее, чуть желтоватого оттенка. Пятно, которое не брал ни один скраб, ни один пилинг.

— Нитрат серебра, — безошибочно определил он. — Старый ожог. А вот здесь... — он перевернул мою ладонь, разглядывая основание большого пальца. — Микропорез. Зажил давно, но след остался. Стекло? Ампула лопнула в руках?

Я молчала, замороженная его пронизательностью. Юлиан за десять лет брака ни разу не заметил этих следов. Для него мои руки были просто инструментом для ношения брилли-

антов.

Демьян наклонился ниже. Настолько низко, что его дыхание коснулось моей кожи. И вдруг — втянул носом воздух. Глубоко, шумно, как ищейка.

Меня бросило в жар. Это было странно, дико, почти непристойно. Но он не нюхал меня как женщину. Он нюхал мои руки.

— Абсолют дубового мха, — пробормотал он, выпрямляясь. В его голосе появилось что-то новое. Уважение? Или настороженность? — И... бергамот. Фототоксичный. Если работать с ним без перчаток на солнце, остаются пигментные пятна. Вот как это.

Он ткнул пальцем в едва заметное коричневатое пятнышко на моем запястье.

— Ты не лаборантка, — сказал он, глядя мне в глаза. — Лаборантки моют пробирки. Лаборантки носят перчатки. А такие следы остаются у тех, кто смешивает. Кто работает с концентратами голыми руками, чтобы чувствовать температуру масла.

Он отпустил мою руку, словно она вдруг стала горячей.

— Ты — «Нос».

Это прозвучало не как вопрос. Как обвинение.

— Да, — тихо ответила я. Смысла врать больше не было. Мои руки, мои стигматы, выдали меня с головой. — Я парфюмер.

— Парфюмер в ночнушке за тысячу евро, выброшенная

на мороз из элитного поселка, — он криво усмехнулся, но глаза его оставались холодными. — Интересное кино получается.

Он резко развернулся и пошел к своему столу. Я видела, как напряглась его спина под серой майкой. Он что-то заподозрил. Или понял.

Демьян сел за один из ноутбуков, яростно застучал по клавишам. Я сидела ни жива ни мертва, кутаясь в его огромную рубашку, которая пахла им так сильно, что казалось, он обнимает меня.

В тишине лофта стук клавиш звучал как пулеметная очередь.

— Так... — протянул он через минуту. — Светская хроника. Вчерашний бал. «Kirsanov & Co» презентует аромат века. На фото — владелец империи Юлиан Кирсанов и его супруга...

Он развернул ноутбук экраном ко мне.

С монитора на меня смотрела красивая, уверенная в себе женщина в черном бархатном платье. На шее сверкали бриллианты, волосы лежали идеальной волной. Она улыбалась — той самой отработанной, сдержанной улыбкой, которой меня учили имиджмейкеры Юлиана. Рядом стоял он — великодушный, властный, положив руку на талию своей «музы».

Контраст между этой глянцевой картинкой и мной нынешней — растрепанной, в чужой мужской рубашке, с ногами, намазанными вонючей мазью, — был чудовищным.

— Агата Кирсанова, — прочитал Демьян. — Жена парфюмерного магната. Тень империи. В прессе пишут, что ты — просто красивая декорация. Меценат, вдохновительница. Но твои руки говорят об обратном. Ты не просто вдохновляла, верно? Ты работала.

Я опустила глаза. Стыд, жгучий и липкий, снова подступил к горлу. Стыд не за то, кем я была, а за то, как позволила с собой поступить.

— Бывшая жена, — поправила я глухо. — По документам я никто. Все формулы принадлежат компании. Все патенты — на имя Юлиана. Я... я была просто инструментом. Дорогим, капризным инструментом, который вчера заменили на более новую модель.

Демьян молчал. Я подняла голову, ожидая увидеть на его лице злорадство. Богатые тоже плачут, да? Жена олигарха получила пинок под зад — отличный повод для смеха пролетария.

Но он не смеялся.

Он смотрел на меня долгим, нечитаемым взглядом. В его болотно-зеленых глазах плескалось что-то темное, тяжелое. Не жалость. Не похоть.

Узнавание.

— Кирсанов, — произнес он фамилию моего мужа так, словно выплюнул кусок гнилого мяса. — Значит, Юлиан.

Он встал, обошел стол и прислонился к нему бедром, скрестив руки на груди. Теперь он нависал надо мной, огром-

ный, мрачный, опасный.

— Мир тесен, Агата. До тошноты тесен.

— Ты его знаешь? — догадалась я.

— Знаю ли я его? — он коротко, лающе рассмеялся. — Можно и так сказать. Мы с твоим мужем... старые знакомые. Он ведь тоже любит химию. Только не ту, что в пробирках, а ту, что в банках. В швейцарских.

Он подошел к кадке с дурманом, сорвал один белый цветок, смял его в кулаке. Сок брызнул на пол.

— Он уничтожил меня десять лет назад. Украл патент, раздавил репутацию, сделал так, что ни одна приличная лаборатория не брала меня даже мыть полы. Я выжил. Стал тем, кто я есть — призраком, варщиком для богатых скучающих ублюдков. А он построил на моих костях свою империю.

Я смотрела на него, и пазл в моей голове складывался в страшную картину. Я попала не к спасителю. Я попала к врагу. К человеку, который ненавидит моего мужа лютой ненавистью. И теперь в его руках оказалась я — жена врага. Идеальная заложница. Или идеальная жертва для мести.

— Что ты со мной сделаешь? — спросила я. Голос не дрожал. Я устала бояться. Если он хочет меня убить — пусть убивает. Это будет быстрее, чем замерзнуть в сугробе.

Демьян отбросил смятый цветок. Подошел ко мне вплотную. Наклонился, оперевшись руками в спинку дивана по обе стороны от моей головы. Я вжалась в кожаную обивку.

От него пахло яростью.

— Сделаю? — тихо переспросил он. — Я мог бы потребовать выкуп. Но у тебя ничего нет, кроме этой рубашки. Я мог бы выкинуть тебя обратно на улицу, к твоему муженьку. Но он тебя не примет.

Он смотрел мне в глаза, и я видела, как в его зрачках разгорается холодный, расчетливый огонь.

— Судьба — стерва с отличным чувством юмора, Агата. Она принесла мне в руки не просто бабу врага. Она принесла мне его секрет. Его мозг. Его настоящего парфюмера.

Меня начало трясти. Адреналин, державший меня в сознании, схлынул, уступив место дикому ознобу. Зубы застучали. Это была не просто реакция на холод — это был откат. Нервный срыв, который догнал меня только сейчас.

— Мне... холодно, — прошептала я.

Демьян моргнул, словно выходя из транса. Наваждение спало. Он снова стал просто усталым, грубым мужчиной, который подобрал на дороге полумертвого щенка.

— Лихорадка, — констатировал он, прикладывая ладонь к моему лбу. Рука была тяжелой и горячей. — Температура ползет вверх. Это нормально после гипотермии. Организм в шоке.

Он отошел, достал из шкафа еще один плед — толстый, стеганный, похожий на армейское одеяло. Накрыл меня поверх первого. Подоткнул края, почти заботливо, если бы не его каменное лицо.

— Спи, Кирсанова, — сказал он, выключая верхний свет и оставляя только тусклое дежурное освещение фитоламп.

— Тебе нужны силы. Нам обоим нужны силы.

— Зачем? — прошептала я из-под вороха одеял.

— Затем, что мы с тобой еще не закончили, — его голос прозвучал из темноты, оттуда, где светились мониторы.

— Ты думала, твоя жизнь кончилась, когда закрылась дверь особняка? Ошибаешься, кукла. Все только начинается.

Я закрыла глаза. Влажный, тяжелый запах оранжереи, смешанный с запахом камфоры от моих ног, убаюкивал. Я проваливалась в сон, как в черную воду. И последней мыслью было: я не знаю, кто он — демон или ангел. Но он единственный, кто не выгнал меня на мороз.

А завтра... завтра я придумаю, как с этим жить. Если проснусь.

Глава 3

Память — это не библиотека с аккуратными полками. Это парфюмерный орган, где флаконы стоят вперемешку. Стоит открыть один — и тебя накрывает с головой, утягивая на дно.

Сейчас я падала в темноту, и она пахла дорогими чернилами.

Пять лет назад

Кабинет Юлиана в башне «Федерация» был похож на аквариум для акулы. Стены из стекла, за которыми расстилась серая, покорная Москва. Воздух здесь проходил тройную фильтрацию. Он был мертвым. Сухим, кондиционированным, лишенным жизни. Он пах озоном, наэлектризованным пластиком и новой, дорогой кожей итальянских кресел.

Я сидела на краю этого кресла, чувствуя себя неудобно в своем любимом вязаном кардигане. Здесь, среди хрома и стекла, он казался тряпкой для пыли.

— Подпиши здесь, милая. И здесь.

Голос Юлиана был мягким, обволакивающим, как кашемир. Он стоял за моей спиной, положив руки мне на плечи. Его пальцы слегка сжимали трапецевидные мышцы — не массаж, а фиксация. Как будто он боялся, что я вскочу и убегу.

Перед мной на полированном столе черного дерева лежал

контракт. Толстая пачка бумаги кремового оттенка. Она пахла типографской краской и отбеливателем.

— Юлиан, я не понимаю... — я подняла на него глаза. — Зачем это? «Отказ от имущественных претензий», «передача интеллектуальных прав»... Ты же говорил, мы партнеры.

Он улыбнулся. Той самой улыбкой, которой можно рекламировать зубную пасту или страхование жизни. Улыбкой, за которой не видно зубов, пока они не сомкнутся на твоём горле.

— Мы больше, чем партнеры, Агата. Мы — семья. А семья строится на доверии. И на защите.

Он обошел кресло и присел на край стола, нависая надо мной.

— Ты — художник, — он коснулся моего носа кончиком пальца. — Твой дар — это магия. Ты слышишь то, чего не слышат другие. Ты не должна думать о скучных вещах. Об акциях, о налогах, о судебных исках конкурентов. Это грязь. Это убьёт твоё вдохновение.

Он взял со стола ручку. Тяжелую, черную, с золотым пером. «Parker Duofold». Она стояла как моя годовая стипендия в институте.

— Я беру эту грязь на себя, — продолжил он, вкладывая ручку мне в пальцы. — Я стану твоим щитом. Твоим бастионом. Ты будешь творить в башне из слоновой кости, а я буду отбиваться от драконов внизу. Этот контракт — твоя защита. Чтобы никто, слышишь, никто не мог отобрать у тебя

возможность творить. Даже если компания разорится, твои формулы останутся под защитой холдинга.

Его слова звучали логично. Убедительно. В них была забота. Разве не об этом я мечтала? Просто смешивать масла, искать идеальные пропорции, не думая о том, как продать результат?

— Но тут написано, что автором всех разработок считается корпорация, — я все еще колебалась. Интуиция, тихая и робкая, скреблась где-то внутри.

— Формальность, — отмахнулся он. — Юридическая казуистика. Весь мир будет знать, что это ты. Ты будешь моей королевой. Моей музой.

Он наклонился и поцеловал меня в макушку. Я почувствовала запах его нового парфюма. Сандал, амбра и нотка металла. Запах уверенности.

— Доверься мне, Агата. Разве я давал повод усомниться? Я посмотрела на него. Красивый, сильный, успешный. Он выбрал меня — девочку с окраины, со странным даром и без гроша в кармане. Он дал мне лабораторию. Он дал мне имя.

— Хорошо, — выдохнула я.

Я поднесла перо к бумаге. Чернила легли на лист жирной, блестящей линией. Запах чернил ударил в нос — резкий, химический, с ноткой фенола.

Я не подписывала контракт. Я подписывала отказ от собственного голоса. От своего будущего. Но тогда я думала, что подписываю пропуск в сказку.

— Умница, — прошептал Юлиан, забирая у меня ручку. Звук закрывающегося колпачка прозвучал как щелчок затвора. Или как захлопнувшаяся дверь клетки.

— Нет... не надо... я перепишу формулу...

Собственный голос разбудил меня, но не до конца. Я металась в липком, жарком тумане. Тело горело. Кожа казалась натянутой до предела, готовой лопнуть.

Реальность пробивалась сквозь бред урывками.

Жесткий диван под спиной. Колючий плед, который я пыталась сбросить, потому что мне казалось, что он пропитан кислотой.

И запах.

Резкий, кислый, пронзительный. Уксус.

Кто-то положил мне на лоб холодную, мокрую тряпку. Уксус ударил в ноздри, заставив поморщиться. Но холод был спасительным.

— Тихо, тихо... — грубый мужской голос. Не кашемировый баритон Юлиана. А хриплый бас, похожий на шум гравия в бетономешалке.

Я открыла глаза. Надо мной склонилось лицо. Небритое, с тенями под глазами, освещенное фиолетовым светом ламп.

Демьян.

— Юлиан... — прошептала я, не понимая, где нахожусь.

— Я уберу бергамот... он слишком резкий... я сделаю, как

ты хочешь...

Лицо Демьяна исказилось гримасой. Не жалости. Брезгливости?

— Твоего Юлиана здесь нет, — жестко сказал он. — И бергамот тут ни при чем. У тебя жар, Кирсанова. Тридцать девять и пять.

Он снял тряпку с моего лба, снова обмакнул ее в миску с раствором уксуса, отжал. Я увидела его руки — крупные, с въевшейся грязью в линии ладоней. Они были грубыми, но двигались с удивительной осторожностью.

— Пей, — он поднес к моим губам стакан с водой.

Я пила жадно, вода текла по подбородку, мочила чужую рубашку, в которую я была одета.

— Почему... уксус? — спросила я, откидываясь на подушку.

— Потому что парацетамола у меня нет. А уксус работает. Дедовский метод. Как и мазь для твоих ног.

Он снова положил компресс мне на лоб.

— Ты бредила, — сказал он, глядя куда-то в сторону, на свои колбы. — Оправдывалась. Просила прощения. Обещала переделать работу.

Мне стало стыдно. Даже в бреду, даже будучи выброшенной на улицу, я продолжала служить ему. Мой мозг, выдрессированный годами подчинения, все еще искал одобрения хозяина.

— Он сломал тебя, да? — Демьян перевел взгляд на ме-

ня. В его глазах плескалась темная, тяжелая ярость. — Не просто использовал. Сломал. Как карандаш. Чтобы писать удобнее было.

— Я... я любила его, — это прозвучало жалко.

— Любовь — это реакция окситоцина и дофамина, — отрезал он. — А то, что было у тебя — это стокгольмский синдром в декорациях "Vogue". Спи. Тебе нужно пропотеть.

Он поправил плед, укрывая меня по самый подбородок. Его запах — полынь, табак и земля — перебил запах уксуса. Этот запах был странным образом успокаивающим. Он был настоящим.

Я закрыла глаза и снова провалилась в темноту. Но теперь она пахла по-другому.

Три года назад

Темнота пахла кислым, теплым шампанским и чужим потом.

Я стояла в тени тяжелой бархатной портьеры за кулисами концертного зала «Барвиха Luxury Village». Там, на сцене, в свете софитов, стоял Юлиан. Он держал в руках хрустальную статуэтку — «Парфюмерный Оскар», премию FiFi Awards за аромат «Symphony».

Мой аромат.

Я помнила, как создавала его. Помнила бессонные ночи, когда я пыталась сбалансировать ноту черной смородины так, чтобы она не отдавала «кошачьим лотком», а звучала как дорогое бургундское вино. Помнила, как нашла реше-

ние, добавив каплю эфира давана.

Зал аплодировал. Юлиан сиял. Он был великолепен в своем смокинге от Brioni.

— Этот аромат, — говорил он в микрофон, и его голос, усиленный динамиками, заполнял все пространство, — результат долгих поисков. Моих поисков. Я хотел создать запах абсолютной женственности. И я посвящаю его всем прекрасным дамам в этом зале.

Я сделала шаг вперед. Мне так хотелось выйти к нему. Встать рядом. Чтобы он обнял меня и сказал: «А вот и она. Та, чьи руки создали это чудо». Я надела свое лучшее платье — скромное, серое, потому что Юлиан сказал, что яркие цвета мне не идут, они «дешевят» мою внешность. Но я чувствовала себя красивой. Сегодня был мой день.

— Куда? — передо мной выросла гора мышц в черном костюме. Начальник охраны, Семенов.

— Я... я к мужу, — пролепетала я. — Я хочу поздравить...

— Глеб Сергеевич не велел, — отрезал он. Его лицо было каменным, глаза — пустыми. От него пахло мятной жвачкой, призванной скрыть запах лука, съеденного на обед. — Стойте здесь.

Я замерла. Аплодисменты стихли. Юлиан спускался со сцены. Он шел прямо ко мне. Мое сердце забилось быстрее. Сейчас. Сейчас он подойдет, возьмет меня за руку и выведет к фотографам.

Он подошел. Его глаза были холодными, как лед в ведерке для шампанского.

— Ты что здесь делаешь? — прошипел он мне на ухо, наклонившись так близко, что со стороны это могло показаться поцелуем.

— Я... я хотела быть рядом, — я растерялась. — Это же наша победа...

— Посмотри на себя, — его голос был тихим, но каждое слово жалило, как удар хлыста. — У тебя лицо красное пятнами. Руки трясутся. Ты вспотела. Ты хочешь выйти к камерам в таком виде? Чтобы все подумали, что у меня жена — алкоголичка или истеричка?

Я инстинктивно коснулась щеки. Она действительно горела.

— Ты испортишь кадр, Агата. Ты не умеешь держать лицо. Иди в машину. Семенов проводит.

Он сунул мне в руку бокал с шампанским, который взял у официанта по пути. Шампанское было теплым, выдохшимся.

— Выпей. Успокойся. И жди меня в машине.

Он развернулся и ушел. Через секунду я увидела, как он обнимает за талию высокую брюнетку в красном — «лицо» рекламной кампании «Symphony». Вспышки камер ослепили их. Они смеялись. Они выглядели как идеальная пара. Король и его королева.

А я стояла в темноте за кулисами, сжимая теплый бокал,

и чувствовала, как внутри меня что-то умирает. Запах моих собственных духов, исходящий от той брюнетки, казался мне теперь запахом воровства. Сладким, приторным, тошнотворным.

— Пройдемте, Агата Андреевна, — голос Семенова прозвучал как конвойная команда.

— Проснись.

Голос выдернул меня из воспоминания, как пробку из бутылки.

Я открыла глаза. В оранжерее было светло — или это был день за окнами, пробивающийся сквозь щели в заклеенных стеклах, или Демьян включил полную мощность своих ламп.

Жар спал. Вместо него пришла слабость. Такая, что даже моргать было тяжело. Я чувствовала себя выжатым лимоном. Пустой оболочкой.

Демьян сидел на полу, прислонившись спиной к дивану. Голова откинута назад, глаза закрыты, руки безвольно лежат на коленях. Он спал сидя.

Я смотрела на него. В неверном утреннем свете он казался моложе. Исчезла эта жесткая складка между бровями. Длинные ресницы отбрасывали тени на скулы. Сейчас он не выглядел ни опасным, ни грубым. Просто усталый человек, который провел ночь, сбивая температуру незнакомке.

Почему он это делает?

Он ведь ненавидит Юлиана. Я для него — враг. Или, как он выразился, «инструмент». Но он возился со мной, мазал ноги, поил травами, менял компрессы. Зачем?

Мое дыхание изменилось, стало чуть глубже, и Демьян мгновенно открыл глаза. Рефлекс зверя. Никакой сонливости, сразу полная готовность. Он повернул голову и посмотрел на меня снизу вверх.

— Вернулась из ада? — спросил он хрипло.

— Я все еще там, — прошептала я. Губы потрескались.

— Просто этаж другой.

Он хмыкнул, поднялся, разминая затекшую шею. Подошел к столу, налил воды в стакан.

— Держи.

Я попыталась приподняться на локтях, но руки дрожали так сильно, что я едва не расплескала воду. Демьян перехватил стакан, придержал меня за затылок. Его ладонь была жесткой, но надежной.

— Пей. Медленно.

Я сделала несколько глотков. Вода была вкусной. Самой вкусной в мире.

— Ты говорила во сне, — сказал он, забирая стакан. — Много интересного.

Я напряглась. Что я могла наговорить?

— Что именно?

— Ты извинялась. Перед ним. Перед этим ублюдком, — Демьян сел на стул напротив дивана. Теперь его взгляд был

жестким, понижывающим. — Ты просила не закрывать лабораторию. Обещала быть хорошей. Ты говорила, что больна.

Он наклонился вперед.

— Он убедил тебя, что ты сумасшедшая, да? Что твоя гипертония — это болезнь? Что без его контроля ты опасна для общества?

— Откуда... откуда ты знаешь? — меня затрясло.

— Классика, — сплюнул он. — Газлайтинг по учебнику. У твоего мужа талант, Агата. Не парфюмера, нет. Дрессировщика. Он взял гения и убедил его, что он — ничтожество. Он заставил тебя поверить, что твоя сила — это твоя слабость.

— Я... я правда вела себя странно, — прошептала я, пытаясь защитить остатки своей реальности, которая рушилась на глазах. — Я чувствовала запахи, которых нет. Я была одержима. Он показывал мне карты... заключения врачей...

— Поддельные, — отрезал Демьян. — Врачи, купленные с потрохами. Я знаю Юлиана. Он не создает. Он присваивает. И чтобы присвоить тебя целиком, ему нужно было сломать твою волю.

Его слова падали, как камни. Тяжелые, безжалостные камни правды.

— Ты не больна, Агата. Ты — «Нос». Лучший, кого я видел, судя по твоим рукам и тому, что ты учуяла в моей мази. Твой нос — это бриллиант. А он убедил тебя, что это осколок стекла в глазу.

Слова Демьяна запустили цепную реакцию в моей памяти. Я вспомнила тот день. День, когда я окончательно сда-лась.

Год назад

Запах.

Первое, что ударило меня, когда я открыла дверь своей домашней лаборатории, был запах.

Не тонкий аромат жасмина самбак. Не дымная горечь ветивера. Не сладкая ваниль.

Хлорка.

Едкая, стерильная, мертвая хлорка. Запах больничного морга после генеральной уборки. Запах общественного бассейна. Запах уничтожения.

Я замерла на пороге. Комната была пуста.

Исчезли стеллажи с сотнями маленьких темных флаконов — моя библиотека запахов, которую я собирала десять лет. Исчезли весы. Исчезли тетради с формулами. Исчезли образцы редких смол, которые я заказывала из Омана.

Остались только голые стены, вымытый до блеска пол и открытое настежь окно, в которое врвался холодный московский воздух.

— Юлиан! — закричала я, бросаясь в пустую комнату, словно надеясь, что все это — мираж, что если я моргну, все вернется.

Он вошел следом. Спокойный. В домашнем кашемировом джемпере. Руки в карманах.

— Зачем ты кричишь, Агата? — его голос был полон усталого терпения. — Соседи услышат. Опять будет скандал.

— Где?! — я металась по комнате, трогая пустые полки. — Где мои вещи? Где мои формулы? Где всё?!

— Я все убрал, — сказал он просто. — Утилизировал.

— Утилизировал? — я осела на пол, ноги подкосились. — Ты выбросил мою работу? Мою жизнь?

— Я спас твою психику, — он подошел, присел рядом на корточки, но не коснулся меня. — Посмотри на себя. Ты не выходишь отсюда сутками. Ты не ешь. Ты говоришь о запахах, как о живых людях. Доктор Штерн сказал, что это ольфакторная одержимость. Навязчивое состояние. Ты теряешь связь с реальностью.

— Я работаю! — рыдала я. — Я создаю новый аромат для весенней коллекции!

— Ты создаешь яды, Агата. Твои последние образцы... они пахли тревогой. Они были опасны. Я делаю это ради твоего блага. Тебе нужен детокс. Полный информационный и сенсорный детокс. Никаких запахов. Только чистота.

Он обвел рукой пустую, воняющую хлоркой комнату.

— Я запрещаю тебе заниматься парфюмерией дома. Отныне — только под присмотром в офисе. И только по утвержденному плану.

Я задыхалась. Хлорка жгла легкие. Мне казалось, что он выкачал из комнаты весь кислород.

— Верни... пожалуйста... хотя бы масла... — я умоляла

его, ползая в ногах. Я была похожа на наркомана, у которого отняли дозу. — Я не могу без них... я не чувствую себя живой...

— Вот видишь, — он с жалостью покачал головой. — Ты зависима. Ты больна, милая. Но я вылечу тебя. Я буду твоим рассудком, пока ты не вернешь свой.

Он вышел, заперев дверь снаружи. Я осталась одна в белой, стерильной камере, пахнущей смертью моих идей.

— Я не ушла, потому что верила ему, — прошептала я, возвращаясь в реальность лофта. — Я думала, что он спасает меня.

Демьян сидел неподвижно. Его лицо было мрачным.

— Он не спасал тебя. Он кастрировал твой талант. Потому что боялся. Боялся, что однажды ты поймешь: «Kirsanov & Co» — это ты. А он — просто менеджер с раздутым эго.

Он встал, подошел ко мне, протянул руку.

— Вставай. Хватит валяться.

— Зачем? — я не шелохнулась.

— Затем, что у нас есть работа.

Он почти силой поднял меня с дивана. Ноги дрожали, но держали. Демьян подвел меня к своему рабочему столу. Там, среди мониторов и проводов, лежал распечатанный лист бумаги. Список.

— Смотри, — приказал он.

Я сфокусировала зрение. Это был перечень патентов, зарегистрированных на «Kirsanov & Co» за последние пять лет. «Imperium». «Symphony». «Velvet Night». Все мои дети. Все под его именем.

— Я знаю химию, — сказал Демьян, стоя за моим плечом. Я чувствовала тепло его тела. — Я знаю бизнес. Я знаю, как взломать сервер или синтезировать психотроп. Но я не знаю его изнутри. Я не знаю запаха его страха. А ты знаешь.

Он ткнул пальцем в строчку с названием «Imperium».

— Ты создала это. Ты знаешь его состав. Ты знаешь его слабые места?

Я смотрела на формулу. В голове, еще затуманенной лихорадкой, вдруг что-то щелкнуло. Профессиональный рефлекс. Мозг начал работать, отсекая эмоции, оставляя только химию.

— «Imperium», — медленно произнесла я. — Верхние ноты: горький миндаль, шафран. Сердце: жасмин, серая амбра. База: кедр, мускус. И... молекула X.

— Молекула X? — переспросил Демьян.

— Моя разработка. Синтетический аналог феромона. Он дает аромату власть. Заставляет людей неосознанно подчиняться носителю. Но...

Я замолчала. Мысль, которая пришла мне в голову, была пугающей. И гениальной.

— Что «но»? — нажал Демьян.

— Формула нестабильна, — сказала я, и голос мой окреп.

— Молекула Х очень капризна. Она требует специального закрепителя. Амброксан-дельта. Очень дорогого. И очень редкого. Я настаивала, чтобы мы закупили партию в Грассе. Но Юлиан... он вечно экономит на «невидимом».

— И?

— Если он решит сэкономить и здесь... Если он заменит Амброксан-дельта на обычный фиксатор... Или если он разольет духи в прозрачное стекло, а не в темное, как я требовала...

Я повернулась к Демьяну.

— ...то под воздействием ультрафиолета Молекула Х начнет распадаться.

— И во что она превратится? — в глазах Демьяна загорелся хищный огонек.

— В меркаптан, — выдохнула я. — Это вещество, которое добавляют в природный газ, чтобы почувствовать утечку. Запах тухлых яиц. Запах гниения. Запах серы.

— Через сколько времени?

— Недели две. Может, месяц. Зависит от температуры хранения.

Демьян усмехнулся. Это была страшная улыбка. Улыбка волка, который увидел открытое горло оленя.

— Он запускает продажи через три дня. Партия уже разлита. И я готов поспорить на свою почку, что он сэкономил на флаконах. Айснеры любят блеск, они захотят прозрачное стекло, чтобы видно было золотую жидкость.

Он схватил меня за плечи.

— Ты понимаешь, что это значит, Агата? Нам не нужно ничего взрывать. Нам не нужно ничего красть. Он сам заложил бомбу под свою империю. Нам нужно только... немного ускорить фитиль.

Я смотрела на него, и страх отступал. На его место приходило другое чувство. Холодное, расчетливое. То самое, которого мне так не хватало все эти годы.

Злость.

Юлиан забрал у меня всё. Имя, дом, гордость. Он пытался забрать мой рассудок. Но он не смог забрать мои знания.

Моя химия была моим проклятием. Теперь она станет моим оружием.

— Я знаю, как это сделать, — сказала я твердо. — Если добавить в реакцию катализатор... микроскопическую дозу... процесс распада начнется не через месяц. А через час после нанесения на кожу.

Демьян смотрел на меня с восхищением. Не как на женщину. Как на равного. Как на партнера по преступлению.

— Добро пожаловать в игру, Агата, — тихо сказал он. — Отдыхай. Набирайся сил. Скоро они тебе понадобятся. Мы не просто выживем. Мы вскроем этот нарыв так, что вонь пойдет по всей Москве.

Он отпустил мои плечи и отошел к столу, начав что-то быстро печатать.

Я осталась стоять посреди оранжереи, кутаясь в чужую ру-

башку. Запах влажной земли и дурмана больше не казался мне чужим. Это был запах поля боя.

♥# Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/Fcq4> Просто нажмите кнопку "Отслеживать автора"вверху профиля! Плюсик к карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради Вас! ♥#

Глава 4

Утро пришло не с солнечным светом, а с ощущением наждачной бумаги внутри черепной коробки.

Я стояла под струей горячей воды, уперевшись лбом в холодные, скользкие стеклоблоки душевой кабины. Это было не спа, к которому я привыкла. Это была самодельная конструкция в углу лофта, отгороженная от основного пространства полупрозрачной стеной. Вода здесь пахла ржавчиной и старыми трубами.

Но хуже всего было мыло.

На полочке валялся обмылок хозяйственного, бурого цвета, и кусок какого-то ярко-зеленого, химозного брикета с надписью «Хвойное». Я намыливала мочалку — жесткую, похожую на рыболовную сеть, — и терла кожу до красноты.

Я пыталась смыть с себя не грязь. Я пыталась смыть «Imperium».

Этот аромат, мое величайшее творение и мое проклятие, вьелся в поры. Даже спустя сутки, после мороза, после мази Демьяна, я чувствовала его базовые ноты — мускус и кедр. Теперь они казались мне запахом клейма. Запахом собственности Юлиана Кирсанова.

— Уйди, — шептала я, сдирая мочалкой верхний слой эпидермиса. — Уйди, уйди, уйди...

Пена стекала в слив грязно-серой жижей. Пахло дешевой

сосновой отдушкой — резкой, плоской, агрессивной. Этот запах не имел глубины, он бил прямо в лобную долю, вызывая мигрень. Но он был лучше, чем запах памяти.

Я выключила воду. Тишина в лофте была абсолютной, только гудели где-то под потолком вентиляторы, прогоняя воздух через фильтры.

Запотевшее зеркало над раковиной отразило чудовище.

Спутанные мокрые волосы, висящие паклей. Лицо — серая маска с провалами глазниц. На шее — багровый росчерк, царапина от сорванного кольца, уже покрывшаяся корочкой. На бедрах и плечах расцветали лиловые и желтые пятна синяков — память о том, как Демьян зашвырнул меня в джип. А ступни... они выглядели так, будто я прошлась по углям. Красные, припухшие, блестящие от мази.

Я коснулась своего отражения.

— Кто ты? — спросила я одними губами.

Агаты Кирсановой, светской львицы, жены магната, гениального парфюмера в шелках и кашемире, больше не существовало. Она осталась там, за коваными воротами особняка, замерзла насмерть в сугробе.

А та, что смотрела на меня из зеркала, была никем. Безымянной функцией, набором биологических параметров, которые чудом продолжали функционировать.

Моя шелковая комбинация валялась в углу, скомканная, похожая на сброшенную змеиную кожу. Надевать её было невыносимо. Это было бы кощунством по отношению к вы-

живанию.

На табурете у входа в душ лежала стопка вещей. Демьян не сказал ни слова, просто оставил их там, пока я спала.

Спортивные штаны из плотного серого футера. Огромное черное худи с капюшоном. И новые, еще в упаковке, хлопковые трусы — самые простые, белые, какие продаются в супермаркетах на кассе. И те самые шерстяные носки.

Я оделась. Ткань была грубой, но теплой. Штаны пришлось затянуть на талии шнурком до предела, худи висело на мне мешком, скрывая фигуру, пол, возраст. Я натянула капюшон на мокрую голову.

Я вдохнула запах одежды. Она была стираной, но все равно хранила запах дома. Табак. Можжевельник. Пыль. И еще что-то... запах одиночества?

Я вышла в основное помещение.

Демьяна нигде не было видно. Оранжерея тонула в зеленом полумраке. Лампы работали в режиме «рассвет», заливая растения мягким, янтарным светом.

Паника накрыла меня внезапно, как волна прибоя.

Я одна. В чужом месте. В логове человека, который варит психотропы и ненавидит моего мужа.

Вчерашний вечер казался бредом. Разговоры о мести, о диверсиях, о химических формулах... Это была галлюцинация воспаленного мозга. Реальность была проще и страшнее: я в ловушке.

Меня заперли.

Мысль билась в висках, заглушая все доводы рассудка. Мне нужно бежать. Прямо сейчас. Неважно куда. Просто выйти на воздух, увидеть небо, увидеть людей. Стать невидимой, раствориться в толпе, исчезнуть.

Я бросилась к массивной железной двери, через которую мы вошли вчера. Она выглядела как вход в бункер.

Толкнула ручку. Заперто. Конечно.

Рядом, на стене, светилась панель электронного замка. Красный огонек мигал, как недремлющее око.

— Откройся! — я дернула ручку еще раз, сильнее, до боли в суставах. — Черт тебя подери, откройся!

Я начала бить ладонью по металлу. Звук был глухим, плотным. Эта дверь могла выдержать взрыв, не то что истерику истощенной женщины.

— Выпусти меня! — закричала я, не заботясь о том, услышит ли кто-нибудь. — Эй! Ты! Выпусти меня отсюда!

Я колотила в дверь кулаками, пока не сбила костяшки. Слезы брызнули из глаз — злые, горячие слезы бессилия. Я сползла по холодному металлу на пол, обхватив голову руками.

Это конец. Я сменила одну золотую клетку на другую, ржавую и пахнущую землей. Юлиан контролировал каждый мой шаг, но он хотя бы давал мне иллюзию свободы. Демьян просто запер меня, как редкий цветок в своей оранжерее.

— Код — один-девять-восемь-четыре.

Голос прозвучал спокойно, даже буднично.

Я вскинула голову.

Демьян стоял в проходе между стеллажами, вытирая руки ветошью. На нем была все та же серая майка, но теперь поверх нее был надет кожаный фартук, забрызганный чем-то темным. Он смотрел на меня без удивления, без жалости. Как на предсказуемую химическую реакцию.

— Что? — всхлипнула я.

— Код замка, — повторил он, подходя ближе. — 1984. Оруэлл. Читал? Хотя вряд ли, в твоем кругу читают «Tatler».

Он остановился в двух шагах от меня. От него пахло свежей сваркой и металлической стружкой.

— Если так хочешь — иди. Дверь открывается наружу. Но учти пару моментов. На улице минус пятнадцать. Твои ботинки остались в сугробе у поселка. А здесь, в промзоне, такси не ходят. До ближайшего метро — пять километров по льду. В этих носках ты пройдешь метров двести. Потом упадешь.

Он говорил это ровно, словно перечислял побочные эффекты лекарства.

— Я не держу тебя, Агата. Ты не пленница. Ты — гостья, которая попала в реанимацию. Но если хочешь сдохнуть — это твое право. Я за свободу выбора.

Я смотрела на него снизу вверх. В его словах была логика. Железная, убийственная логика. Но эмоции кричали: «Беги!».

— Почему ты меня запер? — спросила я.

— Я не запираю тебя. Я закрыл дверь на ночь. Здесь не самый благополучный район. Крысы, наркоманы, бродячие собаки. Я предпочитаю спать спокойно.

Он протянул руку, но не мне, а к панели замка. Набрал код.

Пик-пик-пик-пик. Щелчок.

Тяжелые засовы с лязгом ушли в пазы. Дверь приоткрылась на пару сантиметров, впуская в теплое нутро лофта струю ледяного, морозного воздуха.

Запахло снегом, гарью и безнадежностью.

— Прошу, — он сделал приглашающий жест рукой. — Путь свободен.

Я поднялась, опираясь о стену. Ноги дрожали. Я посмотрела в щель. Там был мир. Серый, холодный, враждебный мир, в котором у меня не было ничего. Ни денег, ни документов, ни телефона.

Если я выйду, я умру. Демьян прав.

Но оставаться здесь... значило признать свою зависимость. Признать, что я снова в чужой власти.

Я стояла, глядя на полоску серого света на бетонном полу. Ветер шевелил край моего огромного худи.

— Я... — голос сорвался. — Я хочу есть.

Демьян хмыкнул. В этом звуке не было торжества победителя. Скорее, облегчение. Он захлопнул дверь, снова заперев замок.

— Разумное решение. Еда на столе.

Он развернулся и пошел к кухонному острову, даже не оглянувшись, иду я за ним или нет.

Завтрак был пыткой для моего обоняния.

Демьян жарил яйца с беконом. Дешевым, жирным беконом, который при нагревании источал запах окислившегося жира и жидкого дыма. К этому примешивался аромат растворимого кофе — пережженные зерна робусты, кислый привкус дешевизны.

Для человека, чей нос различает четырнадцать оттенков бергамота, это было сродни тому, как если бы музыканта с абсолютным слухом заставили слушать скрежет пенопласта по стеклу.

Но мой желудок думал иначе. Он сжался в спазме, требуя калорий.

Я села за стол. Демьян поставил передо мной тарелку. Два яйца с жидким желтком, три полоски подгоревшего бекона, кусок черного хлеба.

— Ешь, — сказал он, садясь напротив со своей кружкой кофе. — Белок нужен мозгу. А жир — для терморегуляции.

Я взяла вилку. Рука дрожала. Первый кусок встал поперек горла, но я заставила себя проглотить. Вкус был грубым, соленым, но невероятно насыщенным.

Демьян ел молча, быстро, не отрываясь от экрана планшета. Он не пытался развлекать меня беседой. Он вообще вел себя так, словно мое присутствие было досадной, но неизбежной деталью интерьера, вроде сломанного стула.

— Зачем я тебе? — спросила я, отодвигая пустую тарелку. Кофе я пить не смогла, ограничилась водой.

Демьян отложил планшет. Посмотрел на меня. Его глаза в утреннем свете казались светлее, прозрачнее. Болото подернулось льдом.

— Я уже говорил. Ты — ключ.

— Я пустая, Демьян, — сказала я устало. — У меня ничего нет. Юлиан забрал все. Счета, патенты, имя. Я даже не существую юридически как творец. Я не боец. Я парфюмер. Я умею смешивать масла, чтобы дамам с Рублевки было приятно пахнуть. Я не умею разрушать империи.

— Ты недооцениваешь силу запаха, — он подался вперед. — И силу обиды.

— Обида — это не сила. Это яд. Я не хочу травиться им. Я хочу... просто уйти. Уехать. В глушь. Сменить имя. Забыть все, как страшный сон. Я не хочу войны. Я хочу покоя.

— Покоя? — он усмехнулся, и эта улыбка была страшной. — Покоя нет, Агата. Есть только перемирие. Ты думаешь, если ты спрячешься, он о тебе забудет?

— Я ему не нужна. Он получил, что хотел. Слияние с Айснерами, деньги, новый бренд. Зачем ему преследовать меня?

— Затем, что ты — единственная, кто знает правду. Ты — живое доказательство его мошенничества. Его бездарности. Пока ты жива и в здравом уме, ты — угроза. Он не оставит тебя в покое. Он найдет тебя в любой глуши. И закроет в психушке. Или устроит несчастный случай.

— Ты пугаешь меня, — прошептала я.

— Я открываю тебе глаза. Ты жила в мире розовых пони и аромата ванили. Добро пожаловать в реальный мир. Здесь пахнет дерьмом и кровью.

Он встал, резко отодвинув стул. Ножки противно скрипнули по бетону.

— Идем. Я покажу тебе кое-что.

— Что?

— Археологию боли. Идем.

Он пошел в дальний угол лофта, туда, где за ширмами и стеллажами с рассадой скрывалась зона, похожая на склад. Я поплелась следом, шлепая носками по полу.

Там стоял сейф. Старый, советский, зеленый, несгораемый шкаф. Демьян покрутил диск кодового замка, нажал на ручку. Дверца со скрипом открылась.

Внутри было пусто, если не считать одной толстой папки-скоросшивателя. Картонной, потрепанной, с завязками.

Демьян достал ее и бросил на верстак, стоявший рядом.

Папка ударилась о дерево, подняв облачко пыли.

Запах.

Старая, сухая бумага.

Клей.

Плесень.

И... горелый пластик. Резкий, едкий запах пожара, который вьелся в страницы и не выветрился даже спустя годы.

— Открывай, — приказал он.

Я развязала тесемки. Дрожащими пальцами открыла обложку.

Первое, что я увидела — фотография. Черно-белая, зернистая, как из уголовного дела. Разрушенная лаборатория. Обугленные стены, расплавленное стекло, лужи пены от огнетушителей.

— Десять лет назад, — голос Демьяна звучал глухо, как из колодца. — Моя лаборатория. Я тогда был молодым идиотом. Гением, как писали в журналах. Я работал над технологией стабилизации летучих молекул без использования спирта. Это был прорыв. Революция. Это могло изменить рынок не только парфюмерии, но и фармакологии.

Я перевернула страницу. Вырезки из газет. «Взрыв в лаборатории молодого ученого», «Нарколаборатория в центре Москвы?», «Гений или преступник?».

— Юлиан тогда только начинал строить свою империю. Ему нужны были технологии. И ему нужны были активы. Он пришел ко мне как инвестор. Друг. Партнер. Я, дурак, открыл ему все карты. Показал формулы. Дал образцы.

Демьян взял папку из моих рук, закрыл ее.

— А потом случился взрыв. Ночью. Когда меня там не было. Официальная версия — нарушение техники безопасности при синтезе синтетических наркотиков. Якобы я варил

мет под прикрытием науки.

— Это был он? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Он. Его люди подменили реактивы. Его люди подбросили прекурсоры. И его люди потом выкупили мои патенты за копейки через подставные фирмы, пока я сидел в СИЗО под следствием.

— Ты сидел?

— Полгода. Пока шло следствие. Потом дали условку — адвокат, которого, кстати, тоже оплатил «добрый друг» Юлиан, постарался на славу, выставив меня оступившимся талантом. Я вышел на свободу с волчьим билетом. Ни один институт, ни одна компания не брали меня даже пробырки мыть. Мое имя стало токсичным.

Он начал расстегивать рубашку. Медленно, пуговица за пуговицей. Я замерла, не понимая, что он делает.

Он стянул рубашку, потом майку. Повернулся ко мне боком.

Я ахнула, прижав ладонь ко рту.

Вся его левая сторона — от подмышки до бедра — была обезображена. Кожа там была стянута, бугристая, блестящая, неестественно розово-белая. Шрам напоминал карту какой-то страшной местности, где реки лавы застыли навечно.

Это было не просто уродство. Это был памятник боли.

— Это не от взрыва, — сказал он, глядя на мою реакцию.

— Взрыв был цветочки. Это случилось в СИЗО. «Несчаст-

ный случай» в душевой. Кто-то плеснул мне на бок кислотой из чистящего средства. Предупреждение. Чтобы я не вздумал оспаривать передачу прав на патенты. Чтобы я молчал.

Он оделся. Быстро, резко, словно стыдясь своей откровенности.

— Он убил меня, Агата. Того парня, Демьяна Вереска, который верил в науку и прогресс, больше нет. Он сгорел в той лаборатории и растворился в кислоте. Есть только я. Тень. Призрак. И я живу ради одного момента. Момента, когда увижу, как рушится его фасад. Как он теряет все.

Запах в воздухе изменился. К запаху старой бумаги примешался запах адреналина и застарелой ненависти. Это был запах войны.

— Теперь ты понимаешь? — он подошел ко мне вплотную. — Это не просто бизнес. Это личное. Глубоко личное.

Он положил папку обратно на верстак. Положил ладонь сверху, словно запечатывая джинна обратно в бутылку.

— Я предлагаю тебе сделку, Агата. Настоящую. Без мелкого шрифта.

Я смотрела на него заворуженно. Его история была страшнее моей. Меня просто выгнали. Его — уничтожили физически и социально.

— Какую сделку? — спросила я.

— Я даю тебе защиту. Этот лофт — крепость. Сюда не попадет никто, кого я не жду. Я даю тебе ресурсы. Деньги, оборудование, любые ингредиенты. Я сделаю тебе новые до-

кументы. Чистые. Ты сможешь уехать, если захочешь... потом.

— А сейчас?

— А сейчас ты даешь мне возможность творить. В моей лаборатории есть все, о чем ты мечтала. Ты сможешь работать. Создавать. Не для него. Против него.

Он сделал паузу.

— Цена сделки проста. Ты помогаешь мне синтезировать «Скунса» — тот самый катализатор распада. И ты даешь мне информацию. Ты знаешь его расписание, его привычки, его страхи. Ты знаешь, как устроен его бизнес изнутри. Ты — мой инсайдер.

Это было логично. Жестоко, цинично, но справедливо. Око за око. Запах за запах.

Но внутри меня все протестовало. Я смотрела на шрам, скрытый под тканью рубашки, и мне было больно за него. Но страх перед Юлианом был сильнее. Страх перед тем, что я снова стану чьим-то орудием. Чьей-то пешкой в чужой партии.

— Один использовал меня ради денег и статуса, — сказала я тихо. — Второй хочет использовать ради мести. В чем разница, Демьян?

Он вздрогнул, словно от удара.

— Разница в том, что я даю тебе выбор. И я не вру тебе, что это ради любви или искусства. Это война. А на войне нужны союзники.

— Я не солдат, — я покачала головой. — Я не могу.

Я отодвинула папку подальше от себя, словно она была радиоактивной.

— Мне жаль, Демьян. Искренне жаль. То, что он с тобой сделал... это чудовищно. Но я сломлена. У меня нет сил ненавидеть так, как ты. Если я начну эту войну, она меня добьет. Я просто хочу уйти.

Демьян смотрел на меня несколько долгих секунд. В его глазах погас огонь, осталась только усталость и... разочарование? Но он кивнул.

— Хорошо. Я не держу.

Он достал из кармана бумажник, вытащил несколько купюр. Пятитысячные. Много.

— Возьми. На первое время хватит. Одежда твоя. Можешь не возвращать.

Он положил деньги на верстак рядом с папкой.

— Помни одно, Агата. Как только ты выйдешь за эту дверь, ты станешь для него легкой добычей. Он не оставит свидетелей своего позора. Ты знаешь слишком много. Твой талант — угроза для Ингрид. Твое существование — пятно на его репутации.

— Я рискну, — сказала я, хотя колени дрожали.

— Твое право.

Демьян развернулся и пошел прочь, вглубь оранжереи, к своим растениям. Он не стал провожать меня. Не стал уговаривать. Он просто отпустил меня.

Я осталась одна.

Я взяла деньги. Руки жгло. Засунула их в карман худи.

Пошла к выходу.

Железная дверь была все так же заперта. Но теперь я знала код.

1984.

Я набрала цифры. Замок пискнул, зеленый огонек сменил красный. Щелчок.

Я толкнула тяжелую створку.

В лицо ударил морозный воздух. Улица встретила меня серым, пасмурным небом, видом на какие-то ржавые цистерны и горы грязного снега. Ветер свистел в проводах. Где-то вдалеке лаяли собаки.

Свобода.

Вот она. Сделай шаг. Иди к метро. Купи билет на поезд. Уезжай в Тверь, в Рязань, куда угодно. Растворись.

Я сделала шаг через порог. Снег захрустел под подошвой кроссовок (Демьян нашел мне и обувь — старые, но крепкие кроссовки).

Холод мгновенно пробрался под худи.

Я представила себе этот путь. Пять километров по пром-зоне. Одной. Потом вокзал. Полицейские патрули. Проверка документов, которых у меня нет. Камеры с распознаванием лиц.

И Юлиан.

Я вспомнила его глаза в кабинете. Ледяные. Мертвые.

«Он не оставит свидетелей».

Демьян был прав. Я не доеду даже до МКАДа. Меня найдут. Или я замерзну. Или меня подберет кто-то похуже Демьяна.

Мир за порогом этой странной, пахнущей землей и химией крепости был огромным и страшным. И в нем мне не было места.

А здесь... Здесь было тепло. Здесь пахло дешевым мылом и жареным беконом. Здесь был человек, который знал мою боль, потому что носил такую же на своих ребрах.

Я стояла в дверях минуту. Две. Дрожала от холода и от осознания своего поражения.

Я не могла уйти. Не потому, что согласилась на месть. А потому, что идти мне было некуда. Я была вещью, которую пока не выбросили. И единственным местом, где эта вещь могла лежать в безопасности, был старый диван в лофте сумасшедшего химика.

Это была полная капитуляция духа перед обстоятельствами.

Я сделала шаг назад. В тепло.

Потянула дверь на себя. Она закрылась с тяжелым, гулким звуком, отрезая меня от внешнего мира.

Щелкнул замок.

Я прислонилась спиной к металлу и сползла вниз, на бетонный пол. Сил не было даже плакать. Я просто сидела, обхватив колени руками, в чужой одежде, с чужими деньгами

в кармане, и слушала, как гудят лампы под потолком.

Я осталась. Но я еще не согласилась. Я просто... взяла паузу. Перед тем, как умереть окончательно.

Из глубины лофта донесся звон стекла. Демьян работал. Он не вышел посмотреть, ушла я или нет. Ему было все равно? Или он знал, что я вернусь?

Я поднялась и побрела к дивану. Свернулась клубком под колючим пледом, отвернувшись к стене. Пахло пылью и Демьяном.

Сегодня я просто буду дышать. А завтра... завтра будет видно.

Глава 5

Время в лофте не текло. Оно капало. Медленно, густо, как остывающая смола с поврежденного ствола дерева.

Прошло несколько часов с того момента, как я малодушно захлопнула дверь перед лицом ледяной свободы и сползла обратно на дно своей новой реальности. Я лежала на продавленном кожаном диване, натянув колючий плед до самого подбородка, и смотрела в потолок.

Там, наверху, в сплетении ржавых труб и вентиляционных коробов, жила темнота. Она казалась мне живой, дышащей, осуждающей.

Я не спала. Я находилась в странном состоянии анабиоза. Мозг, перегруженный стрессом, болью и унижением, просто отключил функцию «чувствовать». Осталась только функция «существовать».

Вдох. Выдох. Стук сердца — глухой, редкий, как у животного в зимней спячке.

Звуковой фон лофта стал для меня чем-то вроде белого шума. Мерное, низкочастотное гудение серверов, стоящих в дальнем углу. Тихий, ритмичный булькающий звук из медного дистиллятора, где Демьян выпаривал какую-то очередную эссенцию. Шорох листьев монстры под потоком воздуха от кондиционера.

Здесь пахло застоем.

Не тем благородным застоєм старой библиотеки, где пахнет мудростью и ванилью от разлагающейся бумаги. Нет. Здесь пахло тупиком. Пылью, которая копилась годами. Остывшим, кислым растворимым кофе в забытой на столе кружке. Моим собственным телом, которое я отмыла дешевым мылом, но которое все равно казалось мне грязным.

И, самое главное, здесь пахло безысходностью. Метафорически, конечно. Но для меня этот запах был вполне реальным — он напоминал сырой подвал, в котором забыли мешок с картошкой.

Я чувствовала себя паразитом.

Я жила в доме врага своего мужа. Ела его еду. Носила его одежду. Дышала его воздухом. И при этом отказывалась платить по счетам, гордо завернувшись в плед и играя в оскорбленную невинность.

«Ты — вещь, Агата, — шептал мне внутренний голос, похожий на голос Ингрид. — Тебя передавали из рук в руки. Сначала отец, потом Юлиан, теперь вот этот безумный химик. У тебя нет своей воли. Ты просто ждешь, кто следующий решит тобой воспользоваться».

Демьян работал. Он сидел за своим огромным столом-лабораторией, спиной ко мне. Я видела напряжение его плеч под серой майкой. Стук его пальцев по клавиатуре был быстрым, агрессивным, рваным. Он не обращал на меня внимания, словно я была просто предметом мебели, но я физически ощущала его присутствие. Он был как оголенный провод

под напряжением, брошенный посреди комнаты.

Внезапно стук клавиш оборвался.

Тишина стала звенящей.

Демьян резко, одним движением, развернулся на крутящемся стуле. Колесики визгнули по бетону.

— Вставай, — его голос прозвучал сухо, без эмоций. Приказ, а не просьба.

Я даже не моргнула.

— Зачем?

— Началось.

Одно слово. Но в нем было столько скрытой угрозы, столько предвкушения, что мой пульс, еще секунду назад ленивый и медленный, подскочил галопом.

— Что началось? — прошептала я, садясь на диване и плотнее кутаясь в плед.

— Шоу. Парад лицемерия. Твои поминки, Агата. Иди сюда. Ты должна это видеть.

Ноги не хотели идти. Они казались ватными, чужими в этих огромных шерстяных носках. Я шаркала по бетонному полу, чувствуя себя призраком, которого насильно вызывают на спиритический сеанс.

Демьян подвинулся, освобождая мне место перед столом. На стене, прямо поверх кирпичной кладки, висел свернутый

экран проектора. Сейчас он был развернут.

Луч проектора прорезал полумрак лофта, и на белом полотне возникла картинка. Яркая, сочная, бьющая по глазам своей неестественной четкостью.

Прямая трансляция. Логотип главного федерального бизнес-канала в углу. Бегущая строка с котировками акций. И заставка: «Экстренные новости. Слияние гигантов».

Контраст был настолько чудовищным, что меня замутило. Здесь, в лофте — полумрак, запах земли и реактивов, промышленные лампы, грязь. Там, на экране — ослепительный свет софитов, хрусталь люстр, позолота лепнины, блеск бриллиантов и отполированных улыбок.

Конференц-зал отеля «Ритц-Карлтон». Я знала этот зал. Мы праздновали там пятилетие «Kirsanov & Co». Я помнила запах этого места — смесь дорогих чистящих средств, ковролина и кондитерской ванили.

Камера скользила по лицам собравшихся. Элита. Акулы бизнеса. Журналисты ведущих изданий. Все они ждали чуда.

— Дамы и господа, — голос ведущего, бархатный и поставленный, заполнил лофт. — Исторический момент. Объединение капиталов, технологий и амбиций. Встречайте! Президент объединенного холдинга Юлиан Кирсанов и главный парфюмер, член совета директоров Ингрид Айснер!

Зал взорвался аплодисментами.

Они вышли из-за кулис.

Юлиан.

Он был безупречен. Темно-синий костюм, сшитый на заказ в Неаполе, сидел на нем как вторая кожа. Белоснежная рубашка. Галстук цвета бургундского вина.

Я задохнулась. Я помнила этот галстук. Я сама выбирала его месяц назад в Милане. Я завязывала его на шее Юлиана, стоя перед зеркалом, и он целовал меня в макушку, говоря, что у меня безупречный вкус. Теперь этот кусок шелка душил меня через экран.

Он улыбался. Уверенно, властно, с легким налетом снисходительности. Это была улыбка победителя. Человека, который взял от жизни все и теперь великодушно позволяет остальным любоваться своим триумфом.

А рядом с ним шла она.

Ингрид.

На ней было платье цвета «электрик» — агрессивно-синее, с глубоким декольте и разрезом до бедра. Оно кричало о деньгах и сексе. Ее платиновые волосы были уложены в гладкую, зеркальную волну. На шее сверкало кольцо — то самое, которое Юлиан сорвал с меня вчера. Или очень похожее.

Они выглядели как боги, сошедшие на землю. Король и Королева, взошедшие на трон по трупам. Они держались за руки. Их пальцы были переплетены.

— Красивая пара, правда? — голос Демьяна прозвучал над моим ухом, как скрежет ножа по тарелке. — Идеальная картинка для обложки Forbes.

Я не ответила. Я не могла говорить. Желудок сжался в ту-

гой узел, к горлу подступила желчь. Я смотрела на человека, с которым спала в одной постели, которому доверяла свои мысли, свои страхи, свою жизнь. И я не узнавала его.

Или наоборот? Узнавала слишком хорошо.

Это был настоящий Юлиан. Без маски «любящего мужа», которую он носил для меня. Хищник, сбросивший овечью шкуру.

Они подошли к трибуне. Юлиан поправил микрофон.

— Друзья, — начал он, и этот теплый, обволакивающий тембр, который когда-то заставлял мое сердце таять, теперь вызывал желание содрать с себя кожу. — Сегодня великий день. День, когда мы стираем границы. День, когда мы представляем вам не просто аромат. Мы представляем вам... власть. Абсолютную власть, заключенную в стекло.

Он сделал паузу, мастерски держа аудиторию.

— Но я — всего лишь скромный управленец, — он усмехнулся, и зал ответил вежливым смешком. — Истинная магия творится не в кабинетах, а в лабораториях. И я счастлив представить вам творца. Гения. Женщину, которая сумела поймать неуловимое. Мою музу и моего партнера — Ингрид Айснер.

Он отступил, жестом приглашая ее к микрофону. Он смотрел на нее с таким восхищением, с такой гордостью... С какой когда-то смотрел на меня.

Только тогда это было искренне. Или мне так казалось? А сейчас я видела, как его глаза на долю секунды скользнули

по ее декольте, оценивая эффект, который она производит на публику.

Ингрид подошла к микрофону. Она сияла. Она упивалась этим вниманием, как вампир кровью.

— Спасибо, Юлиан, — ее голос был низким, с легкой хрипотцой. Тщательно отрепетированная сексуальность. — Создание «Imperium» было... сложным путем. Путем поиска себя.

Она сделала драматическую паузу.

— Я помню ту ночь в Женеве, — начала она, глядя в камеру. — Шел дождь. Я стояла на балконе, смотрела на озеро и думала о природе власти. Что заставляет нас подчиняться? Что заставляет нас желать подчинения? И тогда я поняла: это не страх. Это... сладкая неизбежность. Это нота горького миндаля, переплетенная с запахом раскаленного железа.

Меня ударило током.

Я схватилась за край стола, чтобы не упасть. Ногти впились в дерево.

— Она... — выдохнула я. — Она говорит моими словами.

Это было не просто воровство формулы. Это было воровство души.

Я помнила ту ночь. Только это была не Женева. Это была наша дача в Подмосковье. Шел дождь. Я сидела на подоконнике, завернувшись в плед, пила чай и рассказывала Юлиану о концепции нового аромата. Я говорила ему эти самые слова. Про власть, про миндаль, про железо. Я делилась с ним

самым сокровенным — рождением идеи.

Он слушал, кивал, гладил меня по руке.

А теперь... Теперь эта женщина, эта пустая, глянцевая кукла, повторяла мои мысли, мои метафоры, присваивая их себе. Она воровала мои интимные моменты. Мою память.

— Тварь, — прошипела я.

Ингрид продолжала.

— Я работала над формулой три года. Я искала вдохновение в архивах Ватикана, я изучала древние трактаты о ядах...

Ложь. Ложь в каждом слове. Она не отличит мензурку от пробирки. Три года назад она тусовалась на Ибике и меняла любовников, пока я сидела в лаборатории до рассвета, с красными глазами, пытаясь стабилизировать летучие эфиры.

На экране появился ассистент с бархатной подушкой. На ней стоял флакон.

«Imperium».

Черное матовое стекло. Золотая крышка в форме короны. Мой дизайн. Мое детище.

Ингрид взяла флакон.

И в этот момент я увидела то, что заставило бы любого профессионала скривиться от боли.

Она взяла его за крышку.

Грубо, всей пятерней, взбалтывая драгоценную жидкость внутри.

В мире высокой парфюмерии это было кощунством. Святотатством. Флакон берут только за дно или за «плечи». Нельзя греть жидкость теплом ладони. Нельзя трясти, нарушая структуру молекул перед распылением.

— Дилетантка, — выплюнула я. — Она держит его как банку с пивом.

Но зал этого не видел. Зал видел красивую женщину с дорогой игрушкой.

Ингрид сняла крышку. Брызнула в воздух. Облако мельчайших капель повисло над сценой, сверкая в лучах софитов.

Она картинно, с наслаждением вдохнула, прикрыв глаза.
— Вот он. Запах абсолютной власти.

И тут произошло что-то странное.

Я стояла в грязном, холодном лофте, в пяти километрах от того зала. Между нами были стены, экраны, цифровая пропасть.

Но я почувствовала запах.

Это была ольфакторная галлюцинация. Мощнейшая, яркая, пугающе реальная. Мой мозг, травмированный, но настроенный на эту волну, смоделировал аромат, который сейчас вдыхали сотни людей в «Ритце».

Я почувствовала «Imperium».

Верхние ноты — горький миндаль и шафран. Резкие, бьющие, привлекающие внимание.

Но... что-то было не так.

Вместо глубокого, бархатного кедра в базе я почувствовала плоскую, дешевую деревяшку. Вместо драгоценной серой амбры, которая придает аромату объем и животное тепло, проступил амброксан — синтетический заменитель. Хороший, но синтетический.

А в «сердце» аромата, там, где должен был цвести египетский жасмин, пробивалась тошнотворная, сладковатая нота лилии.

Гнилой лилии.

Я замотала головой, пытаюсь отогнать наваждение.

— Нет... — прошептала я. — Нет, нет, нет...

— Что? — Демьян впервые за все это время посмотрел на меня, а не на экран.

— Они испортили его, — мой голос сорвался на хрип. — Они уже испортили его. Даже без нас.

— О чем ты?

— Я чувствую... Я знаю, как он должен пахнуть. А они... Юлиан сэкономил. Он заменил натуральные абсолюты на синтетику. Он добавил лилию — Ингрид обожает лилии, но они убивают композицию! Они сделали его... дешевым. Плоским. Громким, но пустым.

Я смотрела на экран, где Ингрид продолжала улыбаться, и вдруг поняла страшную вещь.

Они не просто украли моего ребенка. Они сделали из него зомби. Раскрашенную, мертвую куклу, которая лишь отдаленно напоминала то живое, дышащее чудо, которое я создавала.

Мой «Imperium» умер. Они убили его ради маргинальности. Ради того, чтобы сэкономить пару долларов на флаконе.

— «Я вложила в него всю душу», — вещала Ингрид с экрана.

Слезы высохли. Глаза стали горячими и сухими, как песок в пустыне.

Внутри меня, где-то в районе солнечного сплетения, начала происходить химическая реакция.

Я знала этот процесс. Дистилляция.

Мы берем сырье — грязное, смешанное с землей и мусором. Нагреваем его. Вода испаряется. Легкие эфиры улетучиваются. Все лишнее уходит.

Остается только суть. Концентрат. Абсолют.

Моя жалость к себе — это вода. Она выкипела.

Мой страх перед Юлианом — это летучий газ. Он выветрился.

Моя любовь — это осадок, который сгорел на дне колбы. Осталась только чистая, густая, темная субстанция.

Ненависть.

Но не та истеричная ненависть, которая заставляет кри-

чать и бить посуду. А холодная, профессиональная ненависть мастера, который видит, как варвары уничтожают шедевр.

Я чувствовала себя колбой, в которой под огромным давлением рождается яд.

Я выпрямилась. Плед соскользнул с моих плеч и упал на пол. Я осталась стоять в нелепых трениках и огромном худи, но мне было все равно.

Демьян больше не смотрел на экран. Он смотрел на меня. И я видела, как меняется выражение его лица. С настороженного на внимательное. С внимательного на... уважительное?

Он видел это превращение. Он ждал его. Он, как опытный алхимик, знал, что должно произойти, когда давление достигнет критической точки.

Трансляция подходила к концу.

— «Imperium» — это начало новой эры! — провозгласил Юлиан, поднимая бокал.

Зал взревел. Вспышки камер слились в сплошное белое зарево. Юлиан повернулся к Ингрид, притянул ее к себе и поцеловал. Прямо в губы. Долго, напоказ, закрепляя союз не только подписями, но и плотью.

Я протянула руку к клавиатуре Демьяна. Мои пальцы не дрожали.

Я нажала пробел.

Картинка замерла. Лицо Юлиана застыло в гримасе самодовольного торжества. Лицо Ингрид — в экстазе власти.

В лофте повисла тишина. Только гудели кулеры ноутбука, охлаждая перегревшийся процессор.

Я медленно повернулась к Демьяну.

— Ты говорил про «Скунса», — мой голос звучал чуждо. Низко, твердо. Голос незнакомки. — Про катализатор распада.

Демьян медленно кивнул, не сводя с меня глаз. Он даже перестал дышать, кажется.

— Говорил.

— Ты сказал, что это превратит запах в вонь через две недели.

— Примерно так. Если они сэкономили на стекле и стабилизаторах.

— Они сэкономили, — я кивнула на застывший экран. — Я вижу это. Я чувствую это. Но две недели — это слишком долго. Они успеют продать тысячи флаконов. Они успеют получить прибыль. Они успеют насладиться триумфом.

Я подошла к столу вплотную, уперлась ладонями в столешницу, глядя Демьяну в глаза.

— Я знаю формулу, Демьян. Я знаю ее лучше, чем свое имя. В «сердце» аромата есть связка индола и цибетина. В микродозах они дают глубину и животность. Но эта связь очень хрупкая.

Я перевела дыхание. Мозг работал четко, как компьютер.

— Если добавить туда тиацетон... в концентрации одна миллионная процента...

Глаза Демьяна расширились.

— Тиацетон? Ты с ума сошла? Это самое вонючее вещество на планете. Нас эвакуируют вместе с половиной района, если мы откроем пробирку.

— Мы не будем открывать, — перебила я. — Мы синтезируем прекурсор. Вещество, которое будет инертным в темноте. Но при контакте с кислородом и кожным салом... при температуре человеческого тела... оно запустит цепную реакцию.

— И освободит тиольную группу, — закончил Демьян. На его губах начала появляться улыбка. Медленная, страшная, восхищенная улыбка. — Это превратит «Imperium» не просто в вонючку. Это превратит его в химическое оружие.

— Запах гниющего мяса, тухлых яиц и скунса, умноженный на сто, — подтвердила я. — И самое главное — его невозможно смыть. Он въедается в кожу на несколько дней.

— Это жестоко, Агата, — тихо сказал он. — Это уничтожит бренд. Это вызовет панику.

— А то, что они сделали со мной — не жестоко? — я кивнула на экран. — То, что он вышвырнул меня на мороз, как собаку? То, что он украл мою жизнь? То, что он с тобой сделал десять лет назад?

Демьян молчал.

— Я знаю, как ввести катализатор так, чтобы ни одна лаборатория не нашла следов до момента активации, — продолжила я. — И я знаю, где у него «слепая зона» на произ-

водстве. Цех розлива. Линия номер четыре. Там камеры не захватывают угол у микшера. Я сама просила Юлиана исправить это полгода назад. Он сказал, что это лишние расходы.

Я выпрямилась.

— Я согласна, Демьян.

Эти слова повисли в воздухе, тяжелые, как свинец.

— Но мы не будем судиться, — продолжила я. — Суд — это для цивилизованных людей. Для тех, кто играет по правилам. А мы... мы на войне. И пленных мы брать не будем.

Я посмотрела на застывшее лицо мужа на экране.

— Я хочу, чтобы он почувствовал то же, что и я. Унижение. Брезгливость окружающих. Я хочу, чтобы от него шарахались. Я хочу, чтобы его имя стало синонимом вони. Чтобы само слово «Кирсанов» вызывало рвотный рефлекс.

Демьян встал. Он был выше меня на голову, но сейчас мы казались равными.

— Ты понимаешь, что назад дороги не будет? — спросил он. — Как только мы это сделаем, мы станем преступниками. Диверсантами. Если нас поймают...

— Нас не поймают, — отрезала я. — Потому что у нас есть ты. И у нас есть я. Химия и знания. Мы — идеальная смесь. Взрывоопасная.

Демьян усмехнулся. Впервые за все это время его улыбка коснулась глаз.

— Идеальная смесь, — повторил он.

Он протянул мне руку. Не как женщине, которую хочет

утешить. Не как жертве, которую спас.

Как партнеру. Как сообщнику.

Я посмотрела на его ладонь. Широкую, с мозолями и шрамами от кислот. Руку человека, который прошел через ад и вернулся, чтобы сжечь его.

Я вложила свою ладонь в его.

Его пальцы сжались крепко, надежно.

В этот момент в воздухе лофта что-то изменилось. Ушел запах пыли, сырости и безнадежности. Исчез запах плесени и старых обид.

Появился новый запах.

Резкий. Холодный. Электрический.

Озон. Запах воздуха перед грозой, когда небо чернеет, а птицы замолкают. И к нему примешивался металлический привкус холодной стали.

Глава 6

Проснулась я не от солнечного луча и не от кошмара, в котором Юлиан снова и снова выгоняет меня на мороз. Я проснулась от звенящей, вибрирующей в голове мысли: «Мы теряем время».

Я села на диване. Колючий плед сполз на пол. В лофте царил полумрак, разбавленный лишь миганием светодиодов на серверах да тусклым светом дежурной лампы над кухонным островом. Демьян спал. Он лежал на раскладушке, которую, видимо, вытащил откуда-то из недр своего склада, в дальнем углу, отгороженном ширмой. Я слышала его ровное, глубокое дыхание.

Мое тело все еще ныло — мышцы напоминали о холоде и напряжении последних дней, — но разум был кристально чист. Такое бывало со мной перед запуском новой линии ароматов. Момент, когда все сомнения, страхи и рефлексия отступают, уступая место холодной, расчетливой одержимости целью.

Цель была ясна. Уничтожить репутацию «Imperium». Превратить триумф Юлиана в катастрофу.

Я встала, поеживаясь от утренней прохлады, натянула худи, которое стало моей второй кожей, и подошла к «лаборатории» — тому самому длинному столу, заваленному оборудованием.

Вчера, в состоянии аффекта и болезни, я видела здесь просто творческий беспорядок. Сегодня, глядя на это глазами профессионала, я видела хаос. Опасный, непростительный хаос.

Грязные колбы с засохшим осадком на дне. Мензурки, стоящие вперемешку с кружками из-под кофе. Пучки сухих трав, осыпающиеся прямо на клавиатуру ноутбука. Немаркированные флаконы с мутными жидкостями. Пыль на весах.

— Варвар, — прошептала я.

Как он вообще умудряется что-то здесь синтезировать? Химия — это прежде всего дисциплина. Чистота. Порядок. Молекулы не прощают небрежности. Одна пылинка, попавшая в реактор, может испортить партию стоимостью в миллион. Или взорвать все к чертям.

Я нашла тряпку. Понюхала её — пахла машинным маслом. Выбросила. Нашла рулон бумажных полотенец. Нашла бутылку со спиртом (техническим, судя по запаху сивухи, но для дезинфекции сойдет).

И началась война. Моя маленькая война с энтропией.

Я драила поверхность стола, стирая пятна неизвестного происхождения. Я расставляла пробирки по размеру. Я протирала весы, задерживая дыхание, чтобы не сбить калибровку. Я нашла маркер и начала подписывать склянки, содержимое которых могла определить по запаху.

«Экстракт белладонны».

«Синтетический мускус».

«Эфир гвоздики».

Я так увлеклась, что не услышала, как он проснулся.

— Ты похожа на енота-полоскуна, который решил отмыть городскую свалку.

Я вздрогнула, едва не выронив стеклянную палочку. Демьян стоял в паре метров от меня, опираясь плечом о металлический стеллаж. На нем были только тренировочные штаны. Торс обнажен.

Я впервые увидела его без одежды при нормальном свете. И замерла.

Он был красив. Не той глянцевой, фитнес-клубной красотой Юлиана, который тратил часы на тренажеры и солярий. Демьян был красив дикой, функциональной красотой хищника. Широкие плечи, перевитые жгутами мышц, рельефный пресс, но все это было покрыто сетью шрамов. Мелкие порезы, следы ожогов, какие-то белесые полосы. И тот самый страшный, бугристый шрам на боку, о котором он рассказывал. След от кислоты. Памятник человеческой подлости.

Я поймала себя на том, что пялюсь. Покраснела, отвела взгляд.

— Доброе утро, — буркнула я, возвращаясь к протиранию колбы. — У тебя здесь не лаборатория, а хлев. Как ты работаешь? Тут контаминация на каждом шагу.

Демьян подошел ближе. От него пахло сном, теплым телом и остатками вчерашнего табака. Он провел пальцем по стерильно чистой поверхности стола.

— Это называется «творческая среда», Кирсанова. Хаос рождает идеи. Порядок — для аптекарей.

— В грязи синтезируют только яд для крыс или самогон, — парировала я, не глядя на него. — Мы собираемся делать высокое искусство разрушения. Мне нужна стерильность. Мне нужны весы с точностью до четвертого знака. И мне нужно, чтобы ты надел футболку.

Он хмыкнул. В этом звуке было удивление пополам с весельем.

— Футболку? Боишься, что концентрация тестостерона нарушит химическую реакцию?

— Боюсь, что твои волосы упадут в реактив, — соврала я. На самом деле его нагота сбивала меня с толку. Она заполняла собой все пространство лофта, делая воздух густым и наэлектризованным.

— Ладно, — он отошел к раскладушке, натянул вчерашнюю серую майку. — Весы есть. В сейфе. Стерильность... ну, с этим сложнее, но раз у нас теперь есть штатная уборщица с дипломом Сорбонны, я спокоен.

— Я не уборщица. Я технолог. И я готовлю плацдарм.

Демьян перестал улыбаться. Его лицо стало серьезным.

— Плацдарм готов. Ждем боеприпасы.

В этот момент по лофту разнесся резкий, противный звук

дверного звонка. Не домофона, а старого электрического звонка, прикрученного прямо к железной двери.

— А вот и они, — Демьян быстро подошел к мониторам, глянул на изображение с наружной камеры. — Свои.

Он пошел открывать. Я осталась у стола, сжимая в руке тряпку, как оружие. Сердце забилося быстрее. Сейчас начнется.

В лофт вошел человек. В мотоциклетном шлеме с зеркальным визором, в черной кожаной куртке. Лица не видно. Фигура бесполоая, скрытая защитой. Он молча протянул Демьяну тяжелый, ударопрочный кейс черного цвета.

Демьян кивнул, забрал кейс. Курьер развернулся и вышел, так и не проронив ни слова. Дверь с лязгом захлопнулась.

— Кто это? — спросила я шепотом.

— Призрак, — ответил Демьян, водружая кейс на мой идеально чистый стол. — Человек, которого нет. Он доставляет то, что нельзя купить на Ozon.

Он щелкнул замками кейса. Крышка поднялась.

Внутри, в гнездах из плотного поролона, лежали ампулы, банки из темного стекла и металлические контейнеры. Никаких этикеток. Только цветные маркеры на крышках.

Запах.

Даже из закрытых емкостей сочился запах. Тонкий, едва уловимый, но мой нос уловил его мгновенно.

Холод.

Металл.

Опасность.

— Что здесь? — я подошла ближе, склонившись над кейсом.

Демьян достал одну из ампул с прозрачной, маслянистой жидкостью.

— Прекурсоры. Вещества, за оборот которых дают от восьми до пятнадцати лет строгого режима. Здесь концентрированные промышленные растворители. Стабилизаторы. И основа.

Он указал на металлический контейнер с красной точкой.

— Тιοацетон. В стабилизированном, спящем виде. Если ты разобьешь это сейчас, нас эвакуируют. Не только нас — весь квартал. Спасатели будут блевать прямо в противогазы.

Я сглотнула. Тιοацетон. Легенда органической химии. Вещество с самым отвратительным запахом в известной вселенной.

— Готова работать с бомбой, Агата?

Я посмотрела на него. В его глазах не было страха. Был азарт.

— Я жила с Юлианом десять лет, — сказала я, и мой голос прозвучал неожиданно твердо. — Я спала с человеком, который улыбался мне в лицо и одновременно планировал мою утилизацию. Я умею обезвреживать бомбы. Давай свои очки.

Демьян улыбнулся. На этот раз — с уважением. Он порылся в ящике стола и достал пару защитных очков — одни строительные, другие старые, лабораторные, на резинке. Протянул мне лабораторные.

— Надевай. Начинаем варку.

Процесс начался. И это была не просто химия. Это была битва двух стихий.

Мы стояли плечом к плечу у длинного стола. Я чувствовала жар, исходящий от тела Демьяна, слышала его дыхание, но мы были в разных измерениях.

Мой метод — аптека.

Его метод — джаз.

Мне нужны были весы. Я отмеряла каждый миллиграмм, сверяясь с записями в блокноте. Я следила за температурой реакционной смеси с точностью до десятой доли градуса. Я была напряжена, как струна.

Демьян работал иначе. Он двигался быстро, размашисто. Лил реактивы «на глаз», ориентируясь на вязкость жидкости, на то, как она стекает по стенкам колбы.

— Ты перельешь растворитель! — воскликнула я, перехватывая его руку с мензуркой. — Пропорция один к трем! Если будет больше, реакция пойдет слишком быстро!

Он мягко, но настойчиво высвободил руку.

— Расслабься, принцесса. В учебниках пишут про идеальные условия. А у нас тут влажность как в Бангкоке и атмосферное давление скачет. Ей нужно больше растворителя, иначе она свернется.

Он плеснул жидкость в колбу. Смесь зашипела, выбросив облачко белого пара. Я отшатнулась.

— Ты псих! Ты работаешь без вытяжки с такими вещами!

— Вытяжка работает, — он кивнул на гудящий короб над столом. — А нос — лучший газоанализатор. Понюхай.

Он поднес горлышко колбы к моему лицу, но не под самый нос, а аккуратно помахивая ладонью, нагоняя воздух.

Я приняхалась сквозь респиратор.

Запах изменился. Ушла резкая нота ацетона. Появилось что-то... сладковатое? Гнилостно-сладкое, как перезрелая дыня, забытая на солнце.

— Меркаптановая группа начинает формироваться, — констатировал он. — Чувствуешь? Это только начало. Нам нужно поймать этот запах в клетку. Закапсулировать его.

Мы работали с цибетином. В натуральном виде это секрет желез виверры — пахнет фекалиями, но в микродозах дает духам тепло и эротизм. Это была база «Imperium». Наша задача была модифицировать его так, чтобы молекула стала «миной-ловушкой».

Чтобы в темноте флакона она была стабильной. Но при попадании на свет и на теплую кожу — разрывалась, высво-

бождая тот самый адский тиоацетон.

Это было сложно. Это требовало филигранной точности и одновременно — наглости.

— Греем до восьмидесяти, — скомандовал Демьян, включая магнитную мешалку с подогревом.

— Нельзя! — возразила я. — Шестьдесят — предел! Иначе пойдет полимеризация, и мы получим кусок вонючей резины!

— При шестидесяти мы будем ждать до второго пришествия! — он повысил голос. — Нам нужен катализ! Ей нужно дать пинка!

Мы спорили яростно, до хрипоты. Наши локти сталкивались. В какой-то момент он, пытаясь дотянуться до штатива, практически прижался грудью к моей спине. Я почувствовала, как его твердые мышцы вдавливаются в мое плечо. Запах его пота — острый, соленый, смешанный с запахом озона от приборов — ударил мне в ноздри.

Это был странный коктейль. Раздражение от его самоуверенности и... возбуждение. Неправильное, неуместное возбуждение от того, что мы делаем что-то запретное, опасное, и делаем это вместе.

— Ладно, — выдохнула я, отступая на шаг. — Семьдесят пять. Ни градусом больше. И я слежу за цветом. Как только начнет темнеть — снимаем.

— Договорились, — он подмигнул мне. В его глазах плясали бесята. — Семьдесят пять. Компромисс — залог счаст-

ливого брака.

— Мы не в браке, — отрезала я. — Мы в сговоре.

— Одно и то же, — хмыкнул он.

Жидкость в колбе начала менять цвет. Из мутно-белой она становилась желтоватой. Пузырьки газа поднимались все активнее.

Напряжение в лофте росло вместе с температурой. Воздух казался натянутым до предела. Пахло серой, жженым пластиком и электричеством — тем самым запахом озона, который возникает при высоком напряжении.

— Еще немного... — шептал Демьян, глядя на вращающийся магнитный якорь внутри колбы. — Давай, детка... Давай...

— Цвет меняется, — предупредила я. — Демьян, она буреет!

— Рано!

— Демьян, давление растет! Посмотри на манометр!

Стрелка манометра на системе отвода газов действительно ползла в красную зону. Стекло колбы начало мелко вибрировать.

— Выключай! — крикнула я, потянувшись к тумблеру.

— Нет! — он перехватил мою руку. Его пальцы были горячими, жесткими. Он сжал мое запястье так сильно, что я охнула. — Жди! Сейчас пойдет фазовый переход. Если выключим сейчас — получим просто вонючую жижу. Нам нужен кристалл! Нам нужна структура!

— Рванет!

— Не рванет. Я держу клапан.

Он свободной рукой лег на клапан сброса давления, готовый стравить лишнее в любую секунду. По его виску текла капля пота. Глаза были расширены, в них отражался желтый свет бурлящей жидкости. Он выглядел безумным. И невероятно притягательным в этом безумии.

Смесь в колбе забурлила, стала грязно-коричневой, похожей на болотную жижу. Стекло звенело. Мне казалось, что сейчас осколки брызнут мне в лицо, и моя жизнь закончится здесь, в этом вонючем лофте.

И вдруг — щелчок. Тихий, едва слышный звук внутри жидкости.

Бурление прекратилось. Коричневая муть мгновенно осела, и жидкость стала абсолютно прозрачной, как слеза.

Демьян с шумным выдохом перекрыл вентиль и выключил нагрев.

— Есть, — выдохнул он. — Молекулярная капсула замкнулась. Фазовый переход завершен.

Он отпустил мою руку. На запястье остались красные следы от его пальцев.

Я рухнула на стул, ноги меня не держали. Сердце колотилось где-то в горле.

— Ты псих, — сказала я, срывая респиратор. — Ты абсолютно, клинически ненормальный. Мы могли взлететь на воздух.

Демьян стянул свои очки, вытер лицо майкой. Он улыбался. Широкой, шальной улыбкой победителя.

— Зато эффективно. Посмотри на нее. Она идеальна.

Я посмотрела на колбу. Жидкость внутри была спокойной, чистой. Она выглядела безобидно, как вода.

— Что это? — спросила я.

— Это «Скунс», — ответил он. — Идеальное оружие возмездия. Прозрачное. Без запаха. Пока что.

— Нужно тестировать, — сказал он через час, когда жидкость остыла.

Мы перелили полученный раствор в небольшую пробирку с пипеткой.

— Как? — спросила я. — На чем?

— На коже, — ответил Демьян. — Духи наносят на кожу. Нам нужна температура тридцать шесть и шесть. И кислород. И ферменты.

Он закатал рукав майки, обнажая правое предплечье. Здесь кожа была чистой, без шрамов, загорелой, с выступающими венами.

— Давай. Наноси.

— Ты уверен? — я колебалась. — Если реакция пошла правильно, это будет... незабываемо. Ты не отмоешься неделю.

— У меня есть нейтрализатор, — он кивнул на бутылку с раствором марганцовки и перекиси. — Я подготовился. Давай, Агата. Твоя рука легче.

Я взяла пипетку. Набрала каплю прозрачной жидкости. Подошла к нему.

Демьян сидел на стуле, вытянув руку. Я чувствовала себя медсестрой, делающей смертельную инъекцию. Или жрицей, совершающей ритуал.

Капля упала на его кожу. Растеклась маслянистым пятном.

— Разотри, — скомандовал он.

Я хотела надеть перчатку, но остановилась. Мне нужно было чувствовать текстуру. Понять, как вещество впитывается. Впитывается ли оно вообще или остается пленкой (что было бы провалом, Ингрид заметит масляный след).

Я коснулась его кожи подушечкой указательного пальца.

Кожа была горячей. Сухой. Под ней билась жизнь — я чувствовала пульсацию вены.

Я начала растирать каплю круговыми движениями. Жидкость впитывалась мгновенно, не оставляя ни блеска, ни липкости. Идеальная текстура.

— Впиталось, — прошептала я.

Я не убрала руку. Мой палец все еще лежал на его предплечье. Демьян смотрел на то, как я касаюсь его. Потом поднял глаза.

В лаборатории повисла тишина. Густая, плотная, как вата.

Мы смотрели друг на друга. В его глазах потемнело. Зрачки расширились, поглотив болотную зелень радужки.

Это был самый эротичный момент в моей жизни. И в нем не было ни слова о сексе. Это была чистая физиология. Сливание двух умов, двух волей, двух тел, объединенных одной опасной тайной.

Я чувствовала, как между нами натягивается невидимая нить. Как воздух вокруг начинает искрить.

— Кожа горячая, — сказала я, и мой голос дрогнул. — Реакция пойдет быстрее.

— У меня высокий метаболизм, — ответил он хрипло. Он не отстранился. Наоборот, чуть подался вперед.

Если бы я сейчас наклонилась... Если бы коснулась губами его шеи...

Я резко отдернула руку.

— Засекаем время, — сказала я, отворачиваясь к таймеру. Щеки горели.

— Засекаем, — эхом отозвался он.

Мы сидели рядом, глядя на таймер на экране ноутбука. Цифры сменяли друг друга.

10 минут.

Запаха нет. Кожа Демьяна пахнет только мылом и табаком.

— Может, не сработало? — спросил он с сомнением. — Может, капсула слишком прочная?

— Жди, — ответила я. — Молекуле нужно время, чтобы окислиться.

20 минут.

Тишина.

Я начала нервничать. Если мы ошиблись в расчетах... Если мы зря потратили эти драгоценные часы...

30 минут.

— Кажется, есть, — Демьян принялся.

Я наклонилась к его руке.

Сначала это была тонкая, едва уловимая нота. Неприятная, сладковатая. Как будто кто-то забыл кусок сырого мяса на столе на пару часов. Запах начинающегося разложения.

— Работает... — прошептала я.

32 минуты.

Запах усилился. Он стал резким, свербящим. Сероводород. Тухлые яйца.

А потом... потом прорвало плотину.

Это было похоже на удар кулаком в нос. Тошнотворная, всепроникающая вонь. Смесь скунса, гниющей капусты, жженой резины и чего-то невыразимо мерзкого, биологического. Запаха смерти.

Волна зловония накрыла лофт за секунды.

Я зажала нос рукой, отшатнувшись. Глаза заслезились.

— Господи! — выдавила я. — Это чудовищно!

Демьян захохотал. Он смеялся, глядя на свою руку, исто-

чающую этот смрад, и в его смехе было безумное торжество.

— Сработало! — крикнул он. — Тридцать две минуты! Идеально! Просто идеально! Представь этот зал. Представь этих расфуфыренных дам в бриллиантах. Они выпивают бокал шампанского, слушают речь Юлиана, а потом... потом они начинают искать, кто сдох у них под столом!

— Смой! — крикнула я сквозь ладонь. — Демьян, немедленно смой! Нас сейчас вырвет!

Он сорвался с места, схватил бутылку с нейтрализатором и побежал в душевую. Я слышала, как льется вода, как он ругается, оттирая кожу жесткой щеткой.

Я открыла окно — то самое, заклеенное, оторвав скотч. Морозный воздух ворвался в помещение, смешиваясь с вонью, но принося хоть какое-то облегчение.

Демьян вернулся через пять минут. Его рука была красной, расцарапанной щеткой.

— Ну как? — спросил он, поднося руку к моему лицу.

Я осторожно принялась.

Пахло хлоркой и перекисью. Но где-то в глубине, на самом дне, все еще угадывалась слабая нота гнили.

— Почти ушло, — сказала я. — Но не до конца. Это вещество въедливое.

— Отлично, — он упал на стул, сияя. — Значит, у них не будет шанса отмыться в туалете ресторана. Им придется жить с этим запахом пару дней.

Он посмотрел на меня. В его глазах больше не было той

снисходительности, что в начале. Там было восхищение. И уважение.

— Ты гений, Кирсанова, — сказал он серьезно. — Злой гений. Я тебя боюсь.

Я устало улыбнулась. Я чувствовала себя опустошенной, но... живой. Впервые за долгое время я что-то сделала. Я создала. Пусть это был яд, а не лекарство, но это была моя работа.

— Я только учусь, — ответила я, поправляя выбившуюся прядь волос. Мои руки были в копоты, на щеке — пятно от масла. Я стояла перед ним в трениках и майке, потная, воняющая химией. Но я чувствовала себя сильнее, чем в любом платье от кутюр.

— Следующий этап — внедрение, — сказала я.

— Завод, — кивнул Демьян.

— Завод. И я знаю, как туда попасть. Но мне нужно... измениться.

Я подошла к зеркалу, висевшему на столбе. Посмотрела на свои длинные, русые волосы — гордость Юлиана, который запрещал мне их стричь. Посмотрела на свое мягкое лицо.

— Мне нужны ножницы, Демьян. И краска для волос. Самая черная, какая у тебя найдется.

— Решила сжечь мосты? — спросил он тихо, подходя сзади.

— Решила построить новые, — я встретила с ним взгля-

дом в отражении. — Той Агаты больше нет. Пришло время родиться кому-то другому.

В воздухе все еще витал слабый запах «Скунса» — запах нашей будущей победы. Но теперь к нему примешивался другой запах.

Запах перемен. Острый, как лезвие ножниц.

Глава 7 (Демьян)

от лица Демьяна

В лофте пахло остывающим металлом и оружейным маслом.

Этот запах перебивал все остальные — даже призрачный, тошнотворный шлейф тиацетона, который мы синтезировали несколько часов назад, даже влажную духоту моих «джунглей». Запах оружия всегда действовал на меня как холодный душ. Он отрезвлял. Он напоминал, что игры кончились.

Я сидел в тени, у дальнего стеллажа с рассадой, и смотрел на нее.

Агата сидела за моим рабочим столом, сгорбившись над блокнотом. Свет от мониторов падал на ее лицо, делая его бледным, почти прозрачным. Она что-то чертила — быстро, нервно, то и дело покусывая кончик карандаша. В огромном черном худи, которое я ей дал, она казалась подростком, сбежавшим из дома. Маленькая. Хрупкая.

Обманчиво хрупкая.

Я потер переносицу, пытаюсь прогнать усталость. Глаза жгло от бессонницы, в висках пульсировала тупая боль, но спать я не мог. Адреналин, этот проклятый естественный стимулятор, все еще гулял по венам, требуя действия.

Я думал, что притащил в дом побитого котенка. Жертву гламурного ублюдка, которую нужно согреть, накормить и

использовать как отмычку к сейфу врага. Я ошибся. Я при-
тащил в дом рысь. Раненую, загнанную в угол, но готовую
вцепиться в глотку любому, кто подойдет слишком близко.

Я вспомнил тот момент у реактора. Час назад. Когда дав-
ление в колбе скакало, как пульс у марафонца, а она стоя-
ла рядом, не отводя взгляда от бурлящей жижи. Я помню ее
руку на моей руке. Ее палец на моей коже, когда мы тести-
ровали эту дрянь.

Меня тогда прошибло током. Не статическим электриче-
ством, которого в сухом воздухе лаборатории всегда с избыт-
ком. Нет. Это было другое. Животное. Древнее.

Я хотел ее.

Это осознание было неуместным, как взрыв в библиотеке.
Я злился на себя. Какого черта, Вереск? Она — жена Юли-
ана. Пусть бывшая, пусть выброшенная, но на ней все еще
стоит невидимое клеймо «Собственность Кирсанова». А я
не подбираю объедки. Я не пользуюсь чужим.

Но мой организм плевал на мои принципы. Я смотрел на
ее шею, склоненную над бумагой, на выбившуюся прядь во-
лос, и чувствовал, как внутри закручивается тугая спираль
голода.

— Ты дыру во мне прожжешь, — сказала она, не оборо-
чиваясь. Голос был уставшим, хриплым.

— Я проверяю периметр, — соврал я, выходя из тени. —
Привычка.

Я подошел к столу. На листе бумаги была нарисована схе-

ма. План цеха розлива. По памяти, но с пугающей точностью. Она отметила камеры, пожарные выходы, зоны загрузки.

— Здесь, — она ткнула карандашом в угол схемы. — Линия номер четыре. Там «мертвая зона». Камера поворачивается с интервалом в сорок секунд. У меня будет окно. Три, может, четыре минуты, если учитывать смену охраны.

— Три минуты — это вечность, если у тебя стальные яйца, — хмыкнул я. — И мгновение, если руки дрожат.

— Не будут дрожать, — она подняла на меня глаза. Серые, как сталь перед закалкой. — Я готова.

— Готова она, — проворчал я, отодвигая ее эскизы и садясь за соседний монитор. — Готовность — это не только нервы. Это легенда. Документы. История. Если ты войдешь туда как Агата Кирсанова, тебя скрутят на проходной. Тебе нужно стать кем-то другим.

Я хрустнул пальцами и положил руки на клавиатуру. Это была моя стихия. Мой мир. Мир нулей и единиц, где я был богом, а не изгоем с обожженным боком.

— Кем? — спросила она.

— Аудитором. Внешним консультантом от «Aisner Group». Ингрид — параноик, она любит проверки. Мы создадим для тебя личность, которую никто не посмеет остановить.

Я начал работать. Код бежал по черному экрану зелеными ручейками. Взлом базы данных кадрового агентства, с которым работал холдинг Айснеров, был делом техники. Я знал

их уязвимости. Я сам оставлял их там пять лет назад, когда Юлиан нанял меня — анонимно, через третьи руки — для аудита безопасности. Он думал, что купил лучшего хакера. Он не знал, что нанял своего палача.

— Как ты назовешь меня? — тихо спросила Агата. Она придвинулась ближе, глядя в монитор. Я почувствовал тепло ее плеча рядом со своим. Меня снова накрыло волной этого проклятого притяжения.

— Анна, — сказал я, не отрываясь от экрана. — Анна Волкова. Скучное имя. Незапоминающееся. Идеально для шпиона.

— Волкова... — она покатила фамилию на языке. — Мне нравится. Звучит... зубасто.

Я скосил на нее глаза. Она была так близко. Я видел венку, бьющуюся на ее виске. Видел темные круги под глазами. Она была измотана, но держалась на чистой силе воли.

— Ты уверен, что пропуск сработает? — спросила она. — Там биометрия. Сканеры сетчатки на входе в «чистую зону».

В ее голосе слышался страх. Разумный, холодный страх профессионала, который знает систему изнутри.

— Я писал код для их биометрии, Агата, — я позволил себе самодовольную ухмылку. — Я оставил бэкдор. «Черный ход» для администратора. Они думают, что закрыли его после того, как уволили меня и мою команду, но они просто повесили на него цифровую занавеску. Я пройду сквозь нее, как нож сквозь масло. Твой пропуск будет иметь уровень до-

ступа «Бог».

— Ты пугаешь меня, Демьян, — прошептала она. — Иногда мне кажется, что для тебя нет закрытых дверей.

— Двери есть, — жестко ответил я, нажимая Enter и отправляя данные на печать. Принтер в углу зажужжал, выплевывая фальшивый пропуск и пакет сопроводительных документов. — Проблема в том, что за некоторыми дверями — пустота. Или ад.

Я встал, забрал теплые листы из лотка. Протянул ей.

— Держи, Анна Волкова. Твой билет на войну.

Наши пальцы встретились.

Вместо того чтобы забрать бумаги, она замерла. Я тоже не отнял руку. Мы стояли, связанные этими листами бумаги, глядя друг другу в глаза.

Тишина в лофте стала плотной, вязкой. Гудение серверов ушло на задний план. Я слышал только стук своего сердца — тяжелый, глухой удар о ребра.

В ее взгляде было что-то... Вопрос? Мольба? Или то же самое темное желание, которое сжигало меня?

Мне захотелось отшвырнуть этот чертов пропуск. Сгрести ноутбуки со стола на пол. Схватить ее за талию, поднять, посадить на столешницу и впиться в ее губы так, чтобы она забыла свое имя, забыла Юлиана, забыла все, кроме меня.

Я хотел присвоить ее. Доказать ей — и себе, — что я лучше. Что я — настоящий мужчина, а не та глянцевая подделка, с которой она жила.

Зверь внутри меня рычал, требуя своего. «Бери. Она слабая. Она благодарна. Она не оттолкнет».

Но человек... Человек, которым я пытался оставаться, держал зверя на цепи.

Если я сделаю это сейчас, я стану таким же, как Юлиан. Я воспользуюсь ее состоянием. Я стану еще одним ублюдком, который берет, потому что может. А я не хотел быть заместителем. Я не хотел быть лекарством от скуки или таблеткой от боли.

Я хотел, чтобы она выбрала меня. Сама. Осознанно. Не как убежище, а как судьбу.

Я с трудом разжал пальцы, выпуская бумаги.

— Иди спать, Агата, — мой голос прозвучал грубее, чем я хотел. — Завтра тяжелый день. Тебе нужно выспаться, иначе ты провалишь легенду. Аудиторы не выглядят как зомби.

Она моргнула, словно выходя из транса. На щеках проступил румянец. Она быстро забрала документы, прижала их к груди, как щит.

— Да. Ты прав. Спокойной ночи, Демьян.

Она развернулась и пошла к дивану. Я смотрел ей вслед, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони.

Идиот. Благородный идиот.

Я вернулся к своему столу. Мне нужно было занять руки. Чем-то холодным, железным, понятным. Чем-то, что не имеет запаха женщины и не смотрит на тебя глазами побитой собаки.

Я открыл нижний ящик верстака и достал пистолет.

Это был нелегальный ствол. Переделанный «травмат», расточенный под боевой патрон. Грязная работа, но надежная. Я купил его три года назад, когда понял, что мои конкуренты в теневом бизнесе не всегда ограничиваются угрозами.

Я выщелкнул магазин. Проверил патроны. Металл холодил пальцы. Запах оружейной смазки — резкий, технический — ударил в нос, перебивая запах ее кожи, который все еще висел в воздухе.

Я начал разбирать его. Механически, привычно. Затворная рама, возвратная пружина, ствол. Щелчок, щелчок, щелчок.

Мои мысли вернулись к Юлиану.

Раньше я ненавидел его холодной, расчетливой ненавистью бизнесмена, которого кинули. Я хотел вернуть свои деньги, свое имя, свою гордость.

Но теперь...

Я представил его руки на теле Агаты. Представил, как он касался ее, как владел ею, как считал своей вещью. Как он вышвырнул ее на мороз, словно надоевшую игрушку.

Ярость, горячая и красная, залила глаза.

Это была уже не конкуренция. Это была ревность. Дикая, собственническая ревность самца, который нашел свою пару, но знает, что другой самец уже пометил ее.

Я собрал пистолет обратно. Резко передернул затвор.

Звук был сухим и хищным.

Если он подойдет к ней... Если он хотя бы пальцем ее тронет... Я не буду его разорять. Я не буду играть в корпоративные войны. Я просто прострелю ему колени. А потом голову.

Я положил оружие на стол и обернулся.

Агата спала.

Она сидела за столом, положив голову на скрещенные руки. Она даже не дошла до дивана. Просто выключилась, как перегоревшая лампочка. Блокнот с эскизами валялся на полу, карандаш укатился под стул.

В огромном черном худи она казалась совсем крошечной. Волосы рассыпались по столу светлым веером.

Я подошел к ней. Тихо, как хищник.

Склонился над ее головой.

От нее пахло теплым молоком, сном и... мной. Она носила мою одежду, она жила в моем доме, она пропиталась моим запахом. Это осознание ударило в голову сильнее любого алкоголя.

Она пахла как моя.

Я вдохнул этот аромат, закрыв глаза. Мой личный сорт героина. Самый сильный стимулятор из всех, что я когда-либо синтезировал.

— Не трогай, — прошептал я сам себе. — Не смей. Она сломлена. Она доверилась тебе. Не будь скотом, Вереск.

Я не мог оставить ее спать так. Шея затечет, утром будет болеть голова.

Я осторожно просунул руки под ее тело. Одной под колени, другой под спину.

Она была легкой. Пугающе легкой. Но в то же время — весомой. Настоящей.

Она не проснулась. Только вздохнула во сне и инстинктивно прижалась ко мне, ища тепла. Ее голова упала мне на плечо, нос уткнулся в изгиб шеи.

Меня парализовало.

Я чувствовал ее горячее дыхание на своей коже. Чувствовал мягкость ее груди, прижатой к моей груди через слои ткани. Чувствовал, как ее рука безвольно скользнула по моей шее, зацепившись пальцами за ворот майки.

Это было... слишком. Слишком близко. Слишком интимно.

Каждый шаг до дивана давался мне с трудом. Эти десять метров показались марафоном по минному полю. Мое тело предавало меня, реагируя на ее близость самым примитивным образом. Сердце колотилось так, что, казалось, будит ее.

Я донес ее до дивана. Осторожно, стараясь не разбудить, опустил на подушку.

Она пошевелилась, свернулась калачиком, подтянув колени к груди. Поза эмбриона. Поза беззащитности.

Я накрыл ее пледом. Подоткнул края.

И не смог уйти.

Я опустился на колени перед диваном. Прямо на холод-

ный бетон.

Ее лицо было совсем близко. Губы приоткрыты, сухие, потрескавшиеся от мороза. Ресницы отбрасывали длинные тени на щеки.

Я смотрел на эти губы и чувствовал, как меня затягивает в воронку.

Взять. Просто взять то, что хочется. Она спит. Она слабая. Она не оттолкнет. Один поцелуй. Просто попробовать на вкус. Узнать, каково это.

Я наклонился.

Расстояние сократилось до миллиметров. Я чувствовал тепло, исходящее от ее кожи. Я мог бы коснуться ее губ своими. Сейчас.

Внутри меня боролись два человека. Один — зверь, жаждущий обладания. Другой — мужчина, у которого, черт возьми, есть кодекс чести.

«Если ты сделаешь это сейчас, ты ничем не будешь отличаться от Юлиана. Ты украдешь поцелуй, как он украл ее жизнь. Ты вор, Демьян?»

Я замер. Дыхание перехватило.

Я не мог. Я не мог предать то хрупкое, едва зародившееся доверие, которое видел в ее глазах сегодня.

Я медленно поднял руку. Сжал пальцы в кулак, оставив только костяшки указательного и среднего.

И едва касаясь, провел ими по ее щеке. Сверху вниз. По линии скулы.

Кожа была бархатной, горячей.

Это был жест собственника. Но не захватчика. Я не брал. Я... охранял.

Агата вздохнула во сне, чуть повернула голову в мою ладонь, словно отвечая на ласку.

Я отдернул руку, как от огня.

Резко встал, чувствуя злость на самого себя. Слабак. Сентиментальный идиот.

Я развернулся и быстрым шагом вернулся в свою зону, к столу с оружием. Подальше от дивана. Подальше от искушения.

Мне нужно было занять руки. Срочно.

Я снова разобрал пистолет. Щелк. Клац. Металл. Холод. Смазка.

Это успокаивало. Это было понятно. Механизм работает по законам физики. Если нажать на курок — будет выстрел. Если почистить ствол — он будет блестеть.

Женщина на диване работала по другим законам. Непостижимым. Опасным.

Я собрал «Глок» с закрытыми глазами. Тридцать секунд. Личный рекорд.

Я положил оружие на стол и посмотрел в темноту лофта, туда, где спала Агата.

Моя жизнь изменилась. Я понял это только сейчас, стоя с пистолетом в руке посреди ночной лаборатории.

Раньше я жил мстью. Я хотел уничтожить Кирсанова за

то, что он сделал со мной. За шрам на боку. За украденные годы. Это была холодная, расчетливая цель.

Теперь ставки выросли.

Я уничтожу его не ради прошлого. Я уничтожу его ради будущего.

Чтобы он никогда больше не смог прикоснуться к ней. Чтобы он не смел даже дышать с ней одним воздухом.

Она — моя война. И я эту войну выиграю.

В лофте было тихо. Только мерное гудение серверов, перемалывающих байты информации, да дыхание двух людей, которые завтра переступят черту закона.

Я сел в кресло, положил пистолет на колени и стал ждать рассвета. Сна не было. Был только голод и решимость.

Глава 8

Утро после ночи откровений было странным. Оно не принесло неловкости, которой я боялась. Наоборот, воздух в лофте казался разряженным, чистым, словно после грозы, когда озон уже выветрился, оставив только свежесть.

Я стояла перед зеркалом, прислоненным к бетонной колонне.

Из стекла на меня смотрела Агата Кирсанова. Бледная, с темными кругами под глазами, в нелепой мужской футболке, которая была мне платьем. Но главное — волосы.

Мои волосы. Моя гордость. Моя обуза.

Длинные, русые, цвета спелой пшеницы — так любили писать в глянцевах журналах. Юлиан обожал их. Он запрещал мне стричься короче лопаток. «Женщина должна быть мягкой, Агата, — говорил он, наматывая прядь на кулак, когда мы занимались любовью. — В твоих волосах вся твоя сила».

Вранье. В них была моя слабость.

Они были тяжелыми. Они путались. Они требовали ухода, масок, масел, бережного расчесывания. Они были символом той жизни, где я была красивой куклой, которую нужно причесывать и ставить на полку.

Я собрала волосы в хвост, скрутила жгутом. Посмотрела на свое отражение. Слишком мягкие черты. Слишком испу-

ганные глаза. Слишком... Агата.

Такая женщина не сможет пройти через проходную завода «Kirsanov & Co». Такую женщину охрана знает в лицо. Такую женщину сожрут, пережуют и выплюнут, даже не заметив вкуса.

Я перевела взгляд на стол. Там, среди нагромождения проводов и жестких дисков, лежал плотный конверт. Моя новая жизнь.

Я подошла, достала паспорт.

«Волкова Анна Сергеевна».

С фотографии на меня смотрела незнакомка. Фотошоп творит чудеса, но основа была моей. Только волосы были угольно-черными, жесткое графичное каре, острые скулы, подчеркнутые тенями, и глаза... темные, почти черные глаза.

Анна Волкова не была жертвой. Она была хищницей. Аудитором, который приходит, чтобы найти ошибки и наказать виновных. У нее не было мужа-тирана, не было прошлого, не было сентиментальности.

Я положила паспорт. Обернулась.

Демьян был в своей «мокрой зоне», возился с системой полива. Он был в наушниках, двигался в ритме какой-то музыки, которую слышал только он.

Я подошла к нему и тронула за плечо.

Он вздрогнул, обернулся, сдернул наушники. В его глазах на долю секунды мелькнула тревога — привычка человека,

который всегда ждет удара, — но тут же сменилась теплом.

— Проснулась? — он улыбнулся уголком рта. — Кофе на столе.

— Мне не нужен кофе, — сказала я твердо. — Мне нужны ножницы.

Он выпрямился, вытирая руки о тряпку, висевшую на поясе. Внимательно посмотрел на меня, потом на мои волосы.

— Уверена? — спросил он. — Обратно не пришьешь. Это хорошие волосы, Агата. Дорогие.

— Это волосы жены Юлиана Кирсанова, — отрезала я. — Они пахнут им. Они помнят его прикосновения. И они... они слишком мягкие для войны.

Демьян кивнул. Медленно, серьезно. Он понял. Для него, человека, который сам себя перекраивал годами, чтобы жить, этот жест был понятнее любых слов.

— Хорошо, — сказал он. — Садись.

Мы устроили импровизированный салон красоты прямо в центре лофта, под самой мощной лампой. Демьян притащил высокий барный стул, нашел где-то кусок плотного полиэтилена, чтобы накрыть мои плечи.

На столе, который вчера был лабораторией по производству химического оружия, теперь лежали другие инструменты.

Парикмахерские ножницы — старые, цельнометаллические, тяжелые на вид. Расческа с частыми зубьями. Миска для смешивания краски. И сама краска — две пачки дешевого, ядерно-черного цвета, купленные, видимо, в круглосуточном супермаркете вместе с продуктами.

— Откуда у тебя профессиональные ножницы? — спросила я, усаживаясь на стул.

— Я стригу себя сам, — он пожал плечами, проверяя заточку лезвий. — Не люблю, когда чужие люди трогают мою голову. И не люблю пустую болтовню в барбершопах.

Я посмотрела на его волосы — густые, темные, небрежно собранные в хвост. В этой дикости был свой стиль. Стиль одинокого волка.

— Снимай, — сказал он, кивнув на мою футболку. — Испачкаем. Краска едкая, не отстирается.

Я замялась лишь на секунду. Стыд исчез еще прошлой ночью. Я стянула футболку через голову, оставшись в той самой шелковой «ночнушке», которую я перешла в топ на тонких бретелях. Мои плечи, ключицы, руки — все было открыто.

В лофте было прохладно, и кожа моментально покрылась мурашками.

Демьян накинул мне на плечи полиэтилен, завязал узел на шее. Его пальцы коснулись кожи, и мурашки сменили природу — из холодных стали горячими.

Он встал у меня за спиной. Я видела его отражение в зер-

кале, которое мы прислонили к колонне. Сосредоточенное лицо. Темный взгляд, скользящий по моим волосам.

Он положил руки мне на голову. Тяжелые, теплые ладони. Медленно провел пальцами сквозь пряди, распутывая их, пропуская через фаланги.

Это было похоже на прощание.

— Жалко, — тихо сказал он. — Они как золото.

— Золото — мягкий металл, — ответила я, глядя в его глаза в отражении. — Мне нужна сталь. Режь, Демьян. Режь вместе с памятью.

Он вздохнул. Взял расческу.

— Какой длины?

— Каре. Короткое. Жесткое. Выше подбородка. Чтобы шея была открыта. Чтобы никто не мог схватить.

— Принято.

Щелкнули ножницы. Звук был влажным, хрустящим, неприятным. Как будто резали живую плоть.

Первая длинная прядь упала на бетонный пол, свернувшись мертвой змеей. Я посмотрела на нее и почувствовала странное облегчение. Минус сто граммов прошлого.

Демьян работал молча. Он не был парикмахером, его движениям не хватало той порхающей легкости, которая свойственна стилистам в салонах. Он стриг как инженер — измеряя углы, отсекая лишнее, строя новую геометрию.

Но его прикосновения...

Каждый раз, когда он касался моей шеи ледяной сталью

ножниц, я вздрагивала. Каждый раз, когда он отводил прядь в сторону, его пальцы задевали мочку уха, висок, затылок.

Он дышал тяжело, размеренно, через нос. Я чувствовала тепло его тела за своей спиной. Это было интимнее, чем секс. Я доверяла ему изменить мое лицо. Я доверяла ему лезвия у своей яремной вены.

В какой-то момент он наклонился слишком близко, выравнивая линию среза слева. Его волосы коснулись моей щеки. Я закрыла глаза, вдыхая его запах. Железо и пыль.

— Не дергайся, — прошептал он. Его дыхание обожгло ухо.

— Я не дергаюсь.

— Ты дрожишь.

— Мне холодно.

— Врешь, — он усмехнулся, но в голосе не было насмешки.

Щелк. Щелк. Щелк.

Пол вокруг стула покрывался светлым ковром. Я чувствовала, как моя голова становится легче. Физически легче. Словно с плеч сняли невидимое ярмо.

Я открыла глаза.

В зеркале на меня смотрела женщина с обкромсанными, неровными пока волосами, едва закрывающими уши. Моя шея, которую я привыкла прятать за завесой локонов, казалась беззащитной, тонкой, уязвимой.

— Теперь база, — сказал Демьян, откладывая ножницы.

— Выровняем потом, после покраски. Готова к химии?

— Всегда готова.

Он надел перчатки — черные, нитриловые, те самые, в которых работал с ядами. Начал выдавливать краску в миску. Смешал с окислителем.

По лофту пополз резкий, удушливый запах.

Аммиак.

Едкий, бьющий в нос, вызывающий слезы. В мире высокой парфюмерии аммиак — это табу, это запах распада. Но здесь, сейчас, он казался мне запахом стерилизации. Запахом операционной, где отрезают гангрену.

— Закрой глаза, будет щипать, — предупредил он.

Холодная, вязкая масса коснулась моей головы.

Демьян наносил краску не кисточкой. Он делал это руками, втирая состав в корни, проминая пряди пальцами. Это было грубо, но эффективно.

Его движения были похожи на массаж — сильный, глубокий. Он сжимал мою голову, массировал виски, затылок. Я чувствовала силу его пальцев через латекс перчаток. Кожу начало печь. Сначала легко, потом все сильнее. Химический огонь пожирал мой натуральный цвет, выжигал мягкость, заменяя её искусственной, непроницаемой чернотой.

— Какая она? — вдруг спросил Демьян, продолжая втирать краску. — Эта Анна Волкова?

Я задумалась, терпя жжение.

— Она... другая. Она не просит прощения. Она не улы-

бается, чтобы понравиться. Она не ищет одобрения.

— Она сука, — подсказал Демьян. — Холодная, расчетливая стерва. Она видит цель и не видит препятствий. У нее нет мужа, нет привязанностей, нет слабостей. Есть только работа и амбиции.

— Я не умею быть сукой, Демьян, — призналась я тихо. — Меня учили быть хорошей девочкой. Удобной.

— Умеешь, — его голос стал жестким. Он сжал мои волосы в кулак, чуть оттянув голову назад, заставляя меня открыть шею. — Ты просто забыла. Вспомни Ингрид. Вспомни, как она держала твой флакон своими наманикюренными когтями. Вспомни, как Юлиан смотрел на тебя — как на пустое место. Вспомни свою ненависть, Агата. Это и есть топливо для Анны.

Я вспомнила. Картинка из «Ритца» вспыхнула перед глазами. Улыбка Ингрид. Рука Юлиана на ее талии.

Ярость поднялась внутри горячей волной, смешиваясь с жжением на коже головы.

— Да, — выдохнула я. — Я помню.

— Вот и держи это, — он отпустил волосы. — Пусть это жжет тебя изнутри так же, как краска снаружи. Тебе нужно сгореть, чтобы закалиться.

Мы сидели молча. Время тянулось медленно. Аммиак ел глаза, кожа горела, но я сидела неподвижно, как статуя. Это была медитация. Я мысленно убивала в себе Агату Кирсанову. С каждым ударом сердца, с каждой секундой химической

реакции она умирала, уступая место кому-то новому.

— Пора смывать, — голос Демьяна прозвучал как гонг.
— Идем.

Мы прошли в «мокрую зону» — угол лофта, выложенный плиткой, где была большая промышленная раковина.

— Наклоняйся, — скомандовал он.

Я уперлась руками в холодные бортики раковины, опустила голову.

Вода ударила в затылок — теплая, сильная струя.

Демьян смывал краску. Я видела, как по белой эмали текут черные ручьи. Черные, как нефть. Черные, как чернила каракатицы. Черные, как грехи моего мужа.

Вода уносила все. Пшеничный блонд. Мягкость. Наивность.

Демьян снял перчатки. Теперь его голые руки касались моей головы.

Это было... ошеломляюще.

Вода шумела, создавая вокруг нас звуковой кокон. Пар поднимался от раковины, окутывая нас влажным туманом. Я стояла в неудобной позе, согнувшись, моя спина выгнулась дугой.

Демьян стоял сзади, вплотную. Я чувствовала его живот, прижатый к моей пояснице. Чувствовала его твердость, его

тепло через тонкую ткань моей майки.

Он массировал мою голову под струей воды, вымывая остатки химии. Его пальцы были жесткими, уверенными, властными. Он касался за ушами, проводил ладонями по шее, смывая черные потеки с кожи.

Каждое его движение отзывалось во мне дрожью. Это было не просто мытье головы. Это было обладание. Он менял меня. Он лепил меня заново. Я была его творением сейчас.

— Глаза закрой, — хрипло сказал он. — Шампунь.

Запах изменился. Аммиак уступил место чему-то сладкому, фруктовому — дешевый шампунь из супермаркета, пахнущий химическим абрикосом. Но в этом мокром, горячем тумане даже этот запах казался пьянящим.

Он намыливал мои короткие волосы, и пена стекала по моим плечам, по груди. Его рука скользнула вниз, по моей шее, к ключице, смывая случайное пятно краски. Пальцы задержались на секунду дольше, чем нужно. Я замерла, перестав дышать.

Я хотела, чтобы он не останавливался. Чтобы его руки пошли дальше. Чтобы он прижал меня к этой раковине и...

— Все, — резко сказал он, выключая воду. — Чисто.

Он накинул мне на голову полотенце, начал интенсивно вытирать волосы. Момент был упущен. Или прерван. Но электричество никуда не делось. Оно висело в воздухе, смешанное с паром.

— Идем сушиться.

Я подняла голову. Из зеркала на меня смотрела мокрая, бледная женщина с черными, как смоль, волосами, прилипшими к черепу. Это уже была не я. Но еще и не Анна. Это была заготовка.

Мы вернулись к высокому стулу.

Демьян включил фен. Горячий воздух ударил в лицо. Он сушил мои волосы, пропуская пряди сквозь пальцы, взъерошивая их, придавая объем. Он работал сосредоточенно, нахмутив брови, закусив губу.

Я смотрела на него через зеркало. На его руки. На его лицо.

Он был так близко. Я могла бы протянуть руку и коснуться его пресса под майкой.

Волосы высыхали, становясь жесткими, блестящими. Черный цвет поглощал свет. Он делал мое лицо белым, почти мраморным. Черты заострились.

Демьян выключил фен. Наступила тишина, в которой было слышно только наше дыхание.

Он взял ножницы.

— Последние штрихи, — сказал он тихо.

Он подравнял кончики, сделал челку чуть более рваной, агрессивной. Смахнул состриженные волоски с моей шеи широкой кистью для бритья. От кисти пахло мылом и сандалом.

— Готово.

Он отошел в сторону, открывая мне полный обзор.

Я смотрела в зеркало и не могла оторвать взгляд.

Это была незнакомка.

Жесткое, графичное каре, обрамляющее лицо, как шлем. Иссиня-черный цвет делал глаза ярче, но холоднее. Скулы, казалось, стали острее, ими можно было порезаться.

Эта женщина не будет плакать в подушку. Эта женщина не позволит выгнать себя на мороз. Эта женщина войдет в любой кабинет, открыв дверь ногой.

— Черт... — прошептал Демьян.

Я встретила с ним взглядом в зеркале. Он стоял за мной спиной, его руки все еще лежали на спинке стула, почти касаясь моих плеч.

В его глазах я увидела шок. И что-то еще. Темное, тяжелое, голодное.

Он смотрел на меня так, словно сам испугался того, что создал. И одновременно — словно хотел это уничтожить. Или присвоить.

— Ты великолепна, — произнес он, и его голос был похож на рокот далекого грома. — И пугающая. Ты выглядишь как... как отточенный клинок.

— Этого я и хотела, — ответила я. Мой голос тоже изменился. Стал ниже. Глуше.

Я повернулась к нему.

— Это еще не все. Остался последний штрих.

Демьян кивнул. Он подошел к столу, взял маленький контейнер.

— Линзы. Карие. Почти черные.

Я взяла контейнер. Руки слегка дрожали. Я никогда не носила линзы.

Попыталась вставить правую. Моргнула. Линза упала на палец. Попыталась снова. Глаз слезился, веко рефлекторно смыкалось.

— Дай я, — Демьян забрал у меня линзу. — Смотри вверх. Не моргай.

Он подошел вплотную. Встал между моих разведенных коленей. Одной рукой он придержал мое верхнее веко, другой поднес линзу к глазу.

Его лицо было в десяти сантиметрах от моего. Я видела каждую пору на его коже, каждую крапинку в его зеленых глазах. Я чувствовала запах его дыхания — кофе и мята.

— Не бойся, — шепнул он. — Я не сделаю больно.

Его палец коснулся моего глаза. Холодно, влажно. Мгновение дискомфорта — и мир чуть потемнел.

— Моргай, — скомандовал он.

Я поморгала. Линза встала на место.

— Вторую.

Процедура повторилась. Его близость кружила голову. Его сосредоточенность была возбуждающей. Он заботился обо мне, но в этой заботе была сталь.

— Открывай.

Я открыла глаза.

Демьян отшатнулся. На шаг. Словно увидел призрака.

— Что? — спросила я.

— Это... жутко, — выдохнул он. — Твои глаза. Они были прозрачными, как вода. А теперь... это бездна. В них ничего не прочесть.

Я повернулась к зеркалу.

На меня смотрела Анна Волкова. Черные волосы. Бледная кожа. И черные, непроницаемые глаза, в которых не было ни души, ни страха. Только пустота и цель.

Агата Кирсанова исчезла. Растворилась в аммиаке и черной воде.

Я медленно встала со стула. Сбросила с плеч полиэтилен. Оправила майку. Выпрямила спину так, что позвоночник хрустнул.

Я чувствовала себя странно. Словно надела броню. Словно мое тело стало тверже, компактнее, смертоноснее.

— Привет, Анна, — сказала я своему отражению. Губы незнакомки в зеркале искривились в холодной усмешке.

Я повернулась к Демьяну. Он смотрел на меня с настороженностью зверя, который встретил в лесу кого-то равного по силе.

— Научи меня кусаться, Вереск, — сказала я. — Я готова.

В воздухе все еще пахло мокрыми волосами, химией и мужским потом. Но теперь к этому примешивался новый запах.

Запах хищника, вышедшего на охоту.

Глава 9 (Демьян)

от лица Демьяна

В лофте пахло озоном от перегретых серверов и чем-то неуловимо тревожным. Так пахнет воздух перед тем, как лопнет натянутая струна.

Я сидел за столом, гипнотизируя полоску загрузки на мониторе. Девяносто восемь процентов. Данные заливались на зашифрованную флешку — цифровой ключ, который должен был открыть для нее двери в ад.

Мои пальцы легонько барабанили по столешнице. Ритм был рваным.

Она ходила где-то за моей спиной, в зоне, которую я мысленно называл «гардеробной». Шорох ткани. Звук молнии. Тихий стук чего-то пластикового о пол. Эти звуки действовали на меня как скрежет пенопласта по стеклу. Они раздражали. И одновременно заставляли кровь приливать не к голове, где она была нужна для финальной проверки кода, а совсем в другое место.

Я злился. На себя — за эту подростковую реакцию. На Юлиана — за то, что он существует. И на нее. На Агату.

Я создал монстра. Своими руками.

Я вытащил её из снега, отмыл, дал ей цель, дал ей инструменты. Я подстриг её волосы, изменил цвет её глаз, научил

синтезировать яды. Я думал, что контролирую процесс. Что я — кукловод, а она — идеальная марионетка для моей вендетты.

Но марионетка начала оживать. И у нее оказались очень острые зубы.

— Демья

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.